

Тартуский университет
Колледж иностранных языков и культур
Отделение славистики

ЭЛЕМЕНТЫ АУТЕНТИЧНОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ
В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ
(НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАТИВОВ, РЕФЛЕКСИВОВ И ХЕЗИТАТИВОВ)

Бакалаврская работа
студентки отделения
славистики
Аннели Майсте

Научный руководитель —
О. Н. Паликова, PhD

Тарту 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4	
Глава 1. Разговорная речь: ее особенности.		
Использование в разговорной речи коммуникативов, хезитативов, рефлексивов	6	
1. Устная и письменная форма речи	6	
2. Разговорная речь как разновидность устной формы	8	
3. Особенности и признаки разговорной речи: основные признаки	9	
4. Особенности и признаки разговорной речи: компоненты ситуации	13	
5. Коммуникативы как особые единицы РР	15	
6. Хезитативы и рефлексивы как особые единицы РР	28	
7. Коммуникативы, хезитативы и рефлексивы в аспекте преподавания РКИ	31	
Глава 2. Использование коммуникативов, хезитативов, рефлексивов в русской и эстонской разговорной речи (на примере аудиозаписей реальных диалогов в клубе общения) и вопрос включения их в курс иностранного языка		33
1. Источники языкового материала	33	
2. Условные обозначения	34	
3. Расшифровка и анализ аудиозаписей	35	
Запись 1. «Игры»	35	
Запись 2. «Ярмарка»	37	
Запись 3. «Хэллоуин»	44	
Запись 4. «Музыка»	45	
Запись 5. «Фильмы»	50	
4. О необходимости включения КХР в курс иностранного языка	57	

Заклучение	59
Список использованной литературы	62
Приложение 1. Алфавитный указатель коммуникативов	64
Приложение 2. Алфавитный указатель хезитативов	68
Приложение 3. Алфавитный указатель рефлексивов	69
Kokkuvõte. Autentse suulise kõne keelendid vene keele võõrkeelena õpetamise aspektis (kommunikatiivide, hesitatiivide, refleksiivide näitel)	70
Lõputöö autori kinnitus	72
Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks	73

ВВЕДЕНИЕ

Тема бакалаврской работы (далее: работа) «Элементы аутентичной разговорной речи в аспекте преподавания РКИ (на примере коммуникативов, рефлексивов и хезитативов)». Объектом исследования работы является использование коммуникативов, хезитативов и рефлексивов¹ в обучении русскому языку как иностранному (далее — РКИ). Предметом исследования работы являются реальные диалоги и полилоги, аудиозаписи которых были сделаны в рамках проекта «Поговори со мной / Räägi minuga» (2017/2018 уч.г.).

Тема представляется актуальной, так как зачастую учебный материал по РКИ нацелен на письменный вариант языка, а если включается устный вариант — то стилистически нейтральный. Цель работы — показать, что в обучение РКИ нужно включать такие элементы речи как КХР, тем самым обозначить способы устранения оторванности преподавания от реального языкового существования².

Задачами работы являются:

- изучить теоретические материалы по разговорной речи, РКИ, КХР;
- собрать аутентичные устные тексты (аудиозаписи) и сделать их расшифровку;
- выявить КХР в аутентичных текстах;
- рассмотреть КХР в русских и эстонских аутентичных текстах;
- выявить функции КХР;
- показать, что КХР нужно включать в преподавание РКИ, а также в преподавание эстонского языка как иностранного;
- дать рекомендации по включению КХР в курс РКИ на уровне лексики и стиля в таких видах речевой деятельности как говорение и аудирование.

В первой главе «Разговорная речь: ее особенности. Использование в разговорной речи коммуникативов, хезитативов, рефлексивов» рассматриваются следующие темы: устная и письменная формы речи; разговорная речь (далее — РР) как

¹ КХР — сокращение, используемое в нашей работе для обозначения коммуникативов, хезитативов, рефлексивов.

² Под реальным языковым существованием мы подразумеваем речевую ситуацию, происходящую в условиях непринужденной обстановки, например, в кругу друзей. Нам интересна спонтанная разговорная устная речь, а не официальная устная и письменная.

разновидность устной формы; особенности РР: основные признаки и компоненты ситуации; КХР как особые единицы РР; КХР в аспекте преподавания РКИ. Данные темы важны для нашей работы, так как сформируют необходимые знания по РР, РКИ, КХР.

Во второй главе «Использование коммуникативов, хезитативов, рефлексивов в русской и эстонской разговорной речи (на примере аудиозаписей реальных диалогов в клубе общения) и вопрос включения их в курс иностранного языка» рассматриваются реальные диалоги и полилоги, аудиозаписи которых были сделаны в рамках проекта «Поговори со мной / Räägi minuga» (2017/2018 уч.г.). Говорится о необходимости включения КХР в курс иностранного языка.

КХР нужно включать в курс РКИ, так как данные единицы являются неотъемлемой частью (русской) разговорной речи, а наша цель — приблизить преподавание РКИ к естественной речи.

В заключении подведены общие итоги работы, изложены основные выводы.

Дальнейшая перспектива работы заключается в попытке составления русско-эстонского словаря функционально-идентичных КХР.

Глава 1

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ: ЕЕ ОСОБЕННОСТИ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ КОММУНИКАТИВОВ, ХЕЗИТАТИВОВ, РЕФЛЕКСИВОВ

Первая глава посвящена темам, которые дадут необходимую теоретическую базу для понимания особенностей и явлений разговорной речи с целью учета их в преподавании РКИ. Мы рассмотрим такие вопросы, как отличие устной формы речи от письменной; затем обратимся к понятию «разговорная речь» и ее роль в преподавании РКИ; далее рассмотрим особенности разговорной речи (включая доминантные признаки и компоненты ситуации); затем рассмотрим коммуникативы, хезитативы и рефлексивы как особые единицы РР; далее рассмотрим коммуникативы, хезитативы и рефлексивы в аспекте преподавания РКИ.

1. Устная и письменная форма речи

Письменная и устная формы речи имеют разную материальную основу: «движущиеся слои воздуха (звуки) — в устной речи и краска (буквы) — в письменной речи» [Сиротинина 1996: 25]. Так, устная речь обладает богатыми интонационными возможностями, которых нет в письменной речи: «Интонация создается мелодикой речи, местом логического ударения (в начале, середине или конце фразы), его силой, изменениями в интенсивности (громкости), степенью четкости произношения, наличием или отсутствием пауз» [там же]. Письменная речь не может передать все это. Она располагает знаками препинания и пунктуацией, которые «нельзя назвать даже бледной тенью интонационного разнообразия речи» [там же: 26].

Для русского языка интонация выражает грамматические значения вопроса и утверждения [Касаткин 2008: 97]. Слово сочетание, произнесенное с определенной интонацией, приобретает иной смысл, например, оно становится вопросительным: *Сегодня пятница?* или утвердительным: *Сегодня пятница* [там же: 97]. Роль интонации в обучении РКИ очень велика. Например, так как в русском вопросе обычно отсутствует вопросительное слово, иностранец может не понять, что слышит (произносит) не утвердительное предложение, а вопросительное (ср. *Мое?* —

Мое.). Интонация передает и другие грамматические значения: тему и ремю, второстепенные и основные части высказывания, выделяет в звучащем тексте чужую речь и собственную речь говорящего, вводные слова и предложения и др. [там же]. Интонация может передавать и модальность — субъективное или нейтральное отношение говорящего, может выражать разнообразные оттенки эмоций, а также отношение к содержанию высказывания или к собеседнику: *Зачем ты это сделал?* (угроза); *Зачем ты это сделал?* (обычный вопрос) [там же].

В преподавании РКИ выделяется семь интонационных конструкций (ИК). Основными интонационными средствами являются **тональные средства** [Касаткин 2008: 83]. В фонетической синтагме и фразе может происходить резкое повышение или понижение тона, которое называется **тональным акцентом**. Движение тона на протяжении фонетической синтагмы называется ее **тональным контуром** (ТК) [там же]. В ИК, как и в слове, можно выделить предударную, ударную и заударную части. Ударная часть состоит из одного слога и называется **центром** интонационной конструкции. Предударная и заударная части могут состоять из одного слога или нескольких слогов, которые произносятся слитно [Брызгунова 1969: 15]. Назовем, например, ИК-1, которая реализуется при передаче желания, совета: *Я хотел бы поговорить с вами. Я бы посоветовал вам не ехать* [Одинцова 2006: 134].

При использовании письменной формы мы продумываем речь, перестраиваем предложения, заменяем слова, ищем подходящие слова, можем обращаться к словарям и справочникам [Сиротинина 1996: 26]. Известный методист Т. А. Ладыженская также указывает на отличие устной и письменной речи: «говорящий говорит набело, исправляя по ходу изложения лишь то, что сумеет заметить в процессе речи. Пишущий может возвратиться к написанному, совершенствовать его многократно» [Ладыженская 1975: 12]. О. Б. Сиротинина поясняет, что у говорящего нет времени на продумывание фразы, он вынужден мыслить и говорить одновременно.

Кроме того, она выделяет ряд иных явлений, характерных для устной речи: «меньшая лексическая точность, синтаксические ограничения длины и сложности словосочетаний и предложений, отсутствие причастных и деепричастных оборотов, появление необычных для письменной речи конструкций, заполнителей пауз, наличие речевых ошибок» [там же].

Для русского языка очень важна стилистика — стилистическая дифференциация языка довольно сложная, и поэтому даже внутри устной речи можно выделить разные ее виды. О. Б. Сиротинина разделяет устную речь на разговорную и неразговорную. Неразговорную устную речь исследователь делит по принципу стилевой принадлежности на научную (научная дискуссия), публицистическую (публичная лекция), деловую (речь в судебном процессе), художественную (устные рассказы) [Сиротинина 1996: 27].

О. Б. Сиротинина опирается на Е. А. Земскую и Е. Н. Ширяева, которые выделяют в неразговорной (официальной) устной речи публичную речь (один говорящий и много слушающих) и непубличную (официальную, но лично адресованную, с меной ролей говорящий/слушающий). Стоит отметить, что это деление совпадает с делением на монологическую речь, которая ближе к письменной речи, характеризуется подготовленностью и целостностью, и диалогическую, которая даже в официальных условиях ближе к разговорной речи. О. Б. Сиротинина приходит к выводу, что деление устной речи на монологическую и диалогическую является наиболее важным, поскольку истинный монолог может быть только в официальной обстановке, а мена ролей говорящий/слушающий очень важна для организации речи [там же].

2. Разговорная речь как разновидность устной формы

Для нашей работы важно понятие «разговорная речь» (далее — РР), так как это неотъемлемая часть устной формы общения между людьми. В преподавании РКИ также нужно отличать разговорную речь от книжно-письменного языка.

Как пишет О. Б. Сиротинина, разговорная речь — одна из функциональных разновидностей литературного языка, которая необходима в истинной речевой культуре для повседневного общения, но она невозможна в письменной форме: «...она не годится ни для выступления на собрании, ни для ответа в классе, ни тем более для общения с отсутствующим адресатом речи...» [Сиротинина 1996: 25]. Это положение можно уточнить, так как в настоящий момент язык интернета является реализацией РР в письменном виде.

По многим признакам разговорная речь близка к нелитературным формам общения, поэтому можно встретить определение «разговорно-просторечный», объединяющее литературную и нелитературную разновидности языка [там же].

Е. А. Земская пишет, что к разговорной речи нельзя отнести любую речь, протекающую в устной форме. Лекция, выступление на собрании, научный доклад, радио- или телеинтервью, репортаж — эти виды устной речи не относятся к РР. Вся сфера массовой коммуникации, публичная ораторская речь — относится к кодифицированному литературному языку (далее — КЛЯ). РР функционирует только **в частной сфере общения**, к которой относится личная коммуникация, то есть общедно-бытовая, дружеская, семейная и т.п. [Земская 2011: 9]. Речь в частной сфере общения сложно зафиксировать, так как для этого нет специального аппарата. Именно поэтому темы в учебнике искусственно построены.

Зачастую учебник по РКИ нацелен на письменный вариант, если преподается устный вариант — то стилистически нейтральный. Целью нашей работы является сделать устный учебный материал не стилистически нейтральным, а реальным. Тем самым мы постараемся наметить пути устранения оторванности преподавания от реального языкового существования.

О. Б. Сиротина, например, пишет, что «учителю необходимо бороться со всеми проявлениями нелитературной речи <...> в речи самого учителя диалектные явления недопустимы» [Сиротина 1996: 42]. Стоит отметить, что автор говорит о русском как родном, ее задача отличается от нашей задачи. Для нас важно, чтобы иностранец понимал разговорный стиль (в том числе его произносительные нормы) и просторечие, потому что то, что придумывают авторы учебников, часто отличается от аутентичной устной речи.

3. Особенности и признаки разговорной речи: основные признаки

Л. А. Капаназе выделяет три особенности внеязыковой ситуации в разговорной речи (РР):

- 1) неподготовленность речевого акта;
- 2) непринужденность речевого акта;
- 3) непосредственное участие говорящих в речевом акте.

Первой особенностью является «неподготовленность речевого акта» [Капаназе 2005: 81]. Автор пишет, что РР не может быть подготовленной.

Вторая особенность — «непринужденность речевого акта» [там же]. Исследователь отмечает, что К. Кожевникова и О. Кафкова среди ситуативных признаков

русской разговорной речи выделяют: «1) двусторонность, 2) непринужденность общения, 3) неофициальность общения» [там же]. По мнению Л. А. Капанадзе, последние два признака не могут быть разделены, потому что непринужденность возникает при неофициальном общении, а также «непринужденность является понятием психологическим и поэтому требует интерпретации с точки зрения того, какие условия ситуации ее формируют» [там же]. Той же точки зрения придерживается Е. А. Земская, которая считает, что разговорная речь используется в условиях неподготовленного и непринужденного общения при непосредственном участии говорящих в речевом акте.

Очевидно, что признак непринужденности не является строго «языкоцентричным», то есть он не связан с конкретным языком, это признак РР в целом. Хотя в разных языках ситуативная разграниченность разговорной речи и КЛЯ различна. Так, И. Юр считает, что различные языки реагируют по-разному на различные факторы и вариации ситуационных факторов, то есть лингвистическая группировка ситуаций, влияющих на язык, часто различна в разных языковых обществах. Ученый показывает на примерах реакцию иностранных студентов на характер речи, не соответствующий тому, который принят в их родном речевом обществе: «Немецкие студенты в Эдинбурге, которые посещали курс английской литературы, заявили, что они были изумлены языком, которым пользовались лекторы; как говорили студенты, это был разговор за кофе (coffee-talk). Подобные комментарии были сделаны сербами, которые заявили, что “Никто у них дома не мог бы прочитать лекцию таким языком”» [Земская 2011: 10].

По нашим наблюдениям, данные три особенности (неподготовленность и непринужденность речевого акта, непосредственное участие говорящих в речевом акте) в учебниках по РКИ учитываются непоследовательно. В учебнике, как правило, речевой акт подготовленный и заданный, что усложняет адаптацию изучающего язык в реальности. Мы считаем, что в учебном процессе речевой акт должен быть максимально привязанным к реальной языковой ситуации, то есть к использованию языка в неподготовленной, реальной, непринужденной обстановке — только тогда человек будет понимать язык и вне класса / аудитории.

Е. А. Земская так же, как и Л. А. Капанадзе, считает, что непринужденность речи создается тремя факторами внеязыковой ситуации:

1. Говорящие находятся в условиях неофициального общения.

2. Отношения между говорящими не официальные, а близкие (дружественные, родственные) или нейтральные.

3. В ситуации общения нет элементов, нарушающих неофициальность общения (диктофон, присутствие посторонних людей и т.п.).

Е. А. Земская подчеркивает: «Такой признак коммуникативного акта, как **отсутствие установки на официальное общение**, играет очень большую роль в использовании разговорной речи» [Земская 2011: 6]. Если говорящие находятся в дружеских отношениях, но ситуация общения официальная (обсуждение научной работы и т. п.), то говорящие переходят с разговорного языка на кодифицированный.

На основе сказанного Е. А. Земская делает вывод, что: «1) разговорная речь не может быть подготовленной заранее; 2) если говорящие находятся в официальных отношениях, они не должны ею пользоваться. Использование разговорной речи в таких условиях свидетельствует или о недостаточном владении нормами литературного языка (о недостаточной культуре говорящего), или об установке на шутку (о намеренном желании “оживить” ситуацию)» [см. там же].

По мнению Л. А. Капанадзе, главным компонентом формирования **непринужденности** речи считаются неофициальные отношения между говорящими, так как именно этот признак определяет выбор между КЛЯ и РР. Исследователь считает, что именно непринужденность — характерная особенность РР, так как две другие особенности могут сочетаться с КЛЯ. КЛЯ может быть неподготовленным «например, импровизированный доклад, публичное выступление по радио, телевидению и т. д.»; для КЛЯ так же характерно непосредственное участие говорящих в речевом акте [Капанадзе 2005: 83].

Следует отметить, что Л. А. Капанадзе под **непринужденностью** подразумевает **установку на неофициальное общение**. Если в РКИ установка на КЛЯ, то учащийся не овладевает навыками, которые нужны для понимания и общения в неофициальной среде. Учащийся невольно нарушает норму литературного языка, он будет выстраивать речь по нормам (в том числе орфоэпического словаря), то есть строго по правилам, вместо того, чтобы использовать другой стилистический регистр, который принят в неофициальной обстановке (встреча с друзьями и т. п.). Остановимся на синтаксических нормах и особенностях разговорной речи. Как пишет О. Б. Сиротинина, для РР характерно синтаксическое своеобразие [Сиротинина

1996: 80]. Оно выражается в использовании простых коротких предложений, которые нанизываются друг на друга, не создавая целостного рассказа. Приведем пример (1) аутентичного текста из наших диктофонных записей, в котором отражена названная синтаксическая черта РР:

(1) <Ученики обсуждают школьные предметы, Рг1 и Рг2 говорят о контрольной работе по географии, Рг4 реагирует негативно, ей не нравится этот предмет¹>:

Рг1. У нас география *Н

Рг2. География / наверн / тоже нормально там

Рг4. Не хочу, она мне так не нравится, вообще терпеть не могу географию.

В условиях непосредственного персонального общения такая речь естественна и нормальна [там же]. Как пишет автор, в РР длинные развернутые предложения невозможны. Причина в том, что человек может говорить и понимать услышанное благодаря работе оперативной памяти, объем которой невелик: 7+/- 2 элемента [там же]. В письменной речи у автора есть преимущество: он видит часть написанного предложения и может продолжить его на основе написанного, а также исправить и переделать. О. Б. Сиротинина подчеркивает, если говорящий пытается говорить длинными, сложно организованными, предложениями, то он не справляется, так как забывает начало в процессе продолжения: «У него не было никакого отношения к лингвистике Багрин не имел». В приведенном автором примере говорящий забывает, что предложение начинает как безличное, и продолжает как личное [Сиротинина 1996: 82]. Как пишет автор, сложно организованные предложения нарушают нормы РР, «делают ее книжной, канцелярской, несколько искусственной» [там же]. Элементы речи, которые связывают текст, подготавливают к восприятию следующей информации называются **коммуникативами**. Для нас важна спонтанная разговорная речь, а не официальная устная и письменная, так как учащийся должен понимать то, как носители языка общаются между собой в непринужденной обстановке.

¹ Условные обозначения: Рг1, Рг2 и т.д. используются для обозначения учеников русской школы; Эг1, Эг2 — для учеников эстонской школы. *Н = неразборчивый фрагмент.

4. Особенности и признаки разговорной речи: компоненты ситуации

Помимо перечисленных доминантных признаков, существуют компоненты ситуации, которые могут влиять на строение разговорной речи, но не определяют выбор говорящим кодифицированного литературного языка или разговорной речи [Земская 2011: 6]. На наш взгляд, необходимо различать эти признаки, чтобы понимать, как нужно выстраивать диалоги / монологи / полилоги при составлении учебных материалов по РКИ. Перечислим их.

1. Число говорящих: один, два или более двух. На основе числа говорящих выбирается один из основных жанров разговорной речи: монолог¹, диалог или полилог. Е. А. Земская отмечает, что понятие «жанры речи» имеет большую общественную значимость, так как для каждой ситуации речи, в которой говорящие находятся в определенных отношениях, соответствует свой жанр речи. Дома недопустимо говорить как на работе, а деловую беседу нельзя вести как домашний разговор [там же: 6].

Исследователь пишет также, что отличительной чертой **монолога** в разговорной речи является диалогичность, то есть обращенность к слушателю, который может отреагировать на речь рассказчика: перебить его, спросить, согласиться или возразить. В монологических видах КЛЯ (речь лектора) — наоборот не принято перебивать говорящего.

Основным жанром разговорной речи является **диалог**. Характерная черта диалога — мена ролей «говорящий-слушающий». Автор пишет, что в реальной речи монолог и диалог сменяют друг друга, диалог может содержать элементы монолога, а в монолог могут включаться реплики собеседников.

В **полилоге** участвуют более двух коммуникантов. Характерной чертой полилога является тематическая **полифония** (разнотемье), так как нередко каждый из собеседников говорит о своем. Как пишет Е. А. Земская, при этом собеседники могут взаимодействовать друг с другом в разных формах: собеседник может вести разговор, участвуя в двух и более темах, а может вмешаться в разговор других участников полилога с новой темой.

¹ Имеется в виду не обычный монолог (научный доклад), а разговорный монолог — то есть форма непринужденного рассказа, непосредственно обращенного к слушателю или слушателям [Шведова 1956: 68].

Е. А. Земская отмечает, что полифония свойственна и диалогу, когда говорящие переключаются с одной темы на другую. Особенно характерна для разговорной речи ситуация, при которой собеседники чем-либо заняты, а говорят о том, что не связано с их занятием: например за завтраком (предмет занятия — завтрак) обсуждают рабочие дела [Земская 2011: 7].

Можно сделать вывод, что для РКИ более существенна форма диалога, так как полилог — это форма диалога. Если студенты делают задание вдвоем или вчетвером — задание от этого не меняется, изменяется только число говорящих. Граница между монологом и диалогом / полилогом гораздо существеннее.

2. Условия осуществления речевого акта: **контактные** (личный разговор), **дистантные** (разговор на расстоянии). Е. А. Земская пишет, что при контактном собеседники могут передавать информацию жестами и мимикой, а при дистантном используется только слуховой канал связи.

Отсюда можно сделать вывод, что для РКИ контактная форма проще (собеседник находится перед нами, мы можем понять собеседника по жестам, мимике), а дистантная сложнее, потому что в распоряжении говорящего лишь слуховой аппарат. Поэтому нужно больше обращать внимание на аудирование.

3. Третья особенность разговорной речи — **опора на внеязыковую ситуацию**. Как пишет Е. А. Земская, конситуация¹ — непосредственная обстановка речи, в которой протекает общение [Земская 2011: 8]. На построение РР влияет наличие предмета речи при разговоре, так как оно усиливает эллиптичность речи, повышает роль местоимений [там же].

4. Для РР важна и следующая особенность — **общность апперцепционной базы говорящих**. Под общностью апперцепционной базы понимается наличие общих предшествующих сведений, общего житейского опыта у собеседников. Е. А. Земская отмечает, что эта особенность может объясняться как длительным знакомством говорящих, так и кратковременным совместным опытом, важным только для данного разговора.

Для РКИ, а, следовательно, и для нашей работы наиболее важны следующие особенности: **число говорящих** и **условия осуществления речевого акта**, так как

¹ Термин «конситуация» образован по аналогии с термином «контекст», где кон- обозначает то же, что русская приставка со- «совместность» («со-ситуация», то есть ситуация, сопутствующая речи)» [Земская 2011: 8]

от этих признаков зависит, каким будет материал по РКИ: аутентичным или искусственным. Если составлять материал, опираясь по большей части на монологи, то это не даст такого эффекта, как изучение языка через диалоги.

Итак, можно сказать, что разговорная речь (в том числе русская) — это речь носителей литературного языка в условиях неподготовленного непринужденного непосредственного общения. Для языковой сферы коммуникации РР характерны: непринужденность общения; отсутствие официальности между говорящими; неподготовленность речи; непосредственное участие говорящих в речевом акте; устная форма как основная форма реализации; опора на внеязыковую ситуацию, которая становится составной частью коммуникативного акта; использование невербальных средств коммуникации (мимика и жесты); преобладающее функционирование в жанре диалога; принципиальная возможность смены говорящий — слушающий [Земская 2011: 12].

5. Коммуникативы как особые единицы РР

Коммуникативы — это короткие единицы речи, закрепленные интонационно, выражающие оценки, мнения, эмоции. Значение коммуникативов зависит от речевой ситуации и контекста. Представления о них неоднородны, и существует множество их классификаций. Нам интересны все типы классификаций, в качестве обобщающего термина для данных единиц мы будем использовать термин коммуникативы. Чтобы сформировать представление о границах коммуникативов, рассмотрим разные точки зрения исследователей относительно этого явления (разные классификации коммуникативов).

В «Русской грамматике» (1980) аналогичные единицы называются словами-предложениями: это «отдельные словоформы или сочетания определенных слов, закрепившие за собой ту или иную коммуникативную функцию и произносимые с соответствующей интонацией» [Русская грамматика 1980: 420]. Авторы выделяют следующие виды высказываний:

1) функционирующие обычно в диалоге выражения утверждения или отрицания, подтверждения или неподтверждения, уверения, согласия или несогласия: *Да; Нет; Так точно; Никак нет; Есть!; Конечно; Верно; Разумеется; Именно; Вероятно; Честное слово; Ей-богу; Еще бы* и др.;

2) этикетные формулы: выражения приветствия и ответа на него, благодарности и реакции на благодарность, пожелания, просьбы, поздравления и ответа на них: *Здравствуй(те); До свидания; Прощай(те); С добрым утром; Добрый день; Привет!; Мое почтение; Здорово!* (прост.);

3) выражения волеизъявления, призыва к действию, к вниманию, команды: *Марш!; Цыц!; Тсс!; Чу!; Ау!; На!; Ни-ни!* и др.;

4) выражения различных чувств, эмоций, эмоционального отношения и реакций: *Ах!; Ох!; Эге!; Эхма!; Ух ты!; Ой!; Ай-ай-ай!; Фу!; Увы!; Ура!*;

5) выражения общего вопроса, ответа на него: *А?; Что?; Ну и что? — Ничего; Как?; Ну как?; А что?; Да?; Неужели?; Разве?*;

6) звукоподражания и звукоподражательные призывы животных: *Апчихи!; Брр!; Ту-ту!; Ку-ку!; Тук-тук-тук!; Ха-ха!*;

7) изолированные обращения-призывы: *Мама!; Ребята!* [Русская грамматика: там же].

Т. Н. Колокольцева считает, что в Русской грамматике приведены скорее перечни высказываний, а не классификация слов-предложений [Колокольцева 2001: 53]. Она не согласна с тем, что звукоподражания, этикетные формулы и вокативные высказывания можно отнести к словам-предложениям [там же]. Исследователь отмечает, что сама классификация представлена кратко: определение, список видов высказываний, состоящий из семи пунктов, и указание на то, что некоторые слова-предложения могут распространяться [там же: 60].

И. А. Казачихина указывает, что эти единицы речи помогают выражать эмоции, чувства, интенции для эффективной и адекватной коммуникации. Автор отмечает, что без этих единиц (своеобразных маркеров естественной спонтанной речи) разговорная речь кажется искусственной. Для нас важно, чтобы учащиеся могли использовать коммуникативы в своей речи, так как они помогают самовыражаться и поддерживать контакт с собеседником. Как пишет И. А. Казачихина, исследование проблем, связанных с языковыми средствами устной речи, началось в середине XX в. Этим занимались такие авторы, как О. Б. Сиротина, В. Ф. Киприянов, И. О. Степанян, Ф. А. Аронов, М. Жоголева, В. В. Бабайцева, А. Н. Гвоздев, В. Ю. Меликян, Т. Д. Чхетиани, Г. Г. Почепцов, И. И. Прибыток, Е. К. Кожина, В. Н. Шаронов, Т. Н. Колокольцева, Н. В. Богданова-Бегларян и др., интересовались обсуждаемыми языковыми единицами и такие выдающиеся лингвисты, как

Л. П. Якубинский (1923), Н. Н. Дурново (1924), Ф. де Соссюр (1933), А. М. Пешковский (1956), О. Есперсен (1958), В. В. Виноградов (1960) [Казачихина 2008: 117]. Исследователи расходятся в трактовке данных единиц, что вызвано сложностью их описания в терминах традиционной грамматики (грамматики письменной речи) [там же]. И. А. Казачихина считает, что данные единицы: «нельзя однозначно квалифицировать как слово, словосочетание или предложение, нельзя отнести к какой-либо части речи» [там же]. Основные характеристики коммуникативов постоянно детализируются: состав, функции, классификация. На то, что лингвисты не могут прийти к единой точке зрения по обсуждаемому языковому явлению, указывает разнообразие терминов, описывающих их: «частичные слова», «модальные слова», «незнаменательные слова», «структурные слова», «служебные / неполнозначные слова», «дискурсивные слова», «слова-предложения», «структурно-неоформленные предложения», «междометные предложения», «нечленимые предложения», «непредложенческие коммуникаты», «коммуникемы», «коммуникативы», «коммуникативные стереотипы», «релятивы», «сентенсоиды», «фразеосхемы», «междометные фразеологические единицы», «некодифицируемые высказывания» и др. [там же].

Как пишет автор, несмотря на то что мнения по поводу категориальной принадлежности, состава коммуникативов, их основных характеристик и механизмов, влияющих на выбор коммуникатива в речи, лингвисты сходятся в том, что:

- 1) основная сфера употребления коммуникативов — разговорная речь;
- 2) они обладают высокой частотностью употребления: по данным исследования Е. Ю. Викторовой, «один коммуникатив на 18 словоупотреблений» [там же].
- 3) интонационно оформлены;
- 4) выполняют функцию реакции на речь / ситуацию [там же].

И. А. Казачихина понимает коммуникативы как «нерасчлененную речевую реакцию говорящего/слушающего на что-либо, а именно на речевую или экстралингвистическую ситуацию» [там же]. Исследователь обозначает свой подход как широкий, так как коммуникативами могут быть слова разной категориальной принадлежности, например: междометия, вводные слова, знаменательные слова, знаменательные слова с частицами, словосочетания, предложения, идиоматические высказывания, крылатые слова, десемантизированные слова и т. п. [там же]. Автор выделяет следующие основные признаки коммуникативов:

- 1) выполнение речерегулирующей и речеорганизующей функций;
- 2) непредикативный характер коммуникативов;
- 3) интонационная оформленность и синтаксическая независимость;
- 4) способность одних и тех же коммуникативов выражать различные интенции, реакции, отношения;
- 5) идиоматичность, то есть значение коммуникатива не складывается из номинативных значений отдельных слов;
- 6) ситуативно-контекстуальные условия существования;
- 7) жестово-мимическое сопровождение [Казачихина:118].

В. Г. Фатхутдинова понимает коммуникативы как: «неизменяемые слова, функционирующие в разговорной речи в качестве нечленимых высказываний: *Привет! Здравствуй! Спасибо! До свидания. Да. Ладно. Дудки! Хватит! Караул! Стоп!* и др.» [Фатхутдинова 2016: 58]. Автор разделяет коммуникативы по функциональным признакам на три большие группы:

- 1) преимущественный тип коммуникативов — это языковые единицы, выступающие в структуре диалога как **ответные реплики** или языковые единицы, показывающие **реакцию** (ментальную или эмоциональную) говорящего на какую-либо ситуацию, общую для участников диалога. Автор цитирует В. Н. Шаронова, который считает, что коммуникативы выражают ментальную или эмоциональную реакцию говорящего на то, что было сказано собеседником. Далее В. Г. Фатхутдинова приводит примеры данных коммуникативов: — *Кошмар! Как жить будем? — Ну ничего. Как все; — Приходи сегодня. — Ладно. Спасибо; — Что, пятёрку получил? — Какое там.* Коммуникативы могут выражать: **согласие, подтверждение, разрешение**: *Да. Так. Безусловно. А как же! Правильно. И не говори. Ладно;* **несогласие, отрицание**: *Нет! Ни за что! Что вы! Вот ещё! Как бы не так! Ничего подобного;* **понимание / непонимание**: *Понятно. Ясно. То есть? Как? В смысле?;* **соответствие / несоответствие ожиданиям говорящего**: *Разве? Неужели? Однако! Надо же! Подумать только!;* **оценку предмета речи или ситуации как позитивную или негативную**: *Замечательно! Прекрасно! Чудесно! Красота! Блеск! Или — Ужас! Ужасно! Кошмар! Безобразия!;* или как **нейтральную** — *Ничего. Пойдёт.* [там же].

2. Ко второй группе автор относит коммуникативы, «выражающие эмоциональную или волевую реакцию говорящего на какую-то актуальную ситуацию, не связанную с диалогом»: *Браво! Бис! Майна! Караул! Полундра!* К ним можно

отнести подзывные слова: *кыс-кыс, ути-ути, куть-куть* [там же]. Их можно назвать междометиями.

3. К третьей группе относятся слова и словосочетания из сферы этикета речевого общения или этикетные междометия: *Привет. Добрый день. Спокойной ночи. Пока. Пожалуйста.*

Обратим внимание на то, что функцию согласия и несогласия можно объединить в одну функцию, поскольку они выражают готовность говорящего продолжать или не продолжать коммуникацию или действия, о которых говорится в акте коммуникации. Отметим, что в «Русской грамматике» (1980) согласие и несогласие тоже объединены в одну функцию.

При описании коммуникативов автор ссылается на концепцию С. В. Андреевой [2005], где коммуникативы рассматриваются как элементарные конструктивно-синтаксические единицы. С. В. Андреева выделяет 5 типов конструктивно-синтаксических единиц на основе дифференциальных признаков в разговорной речи: «предикативная единица, модифицированная предикативная единица, коммуникатив с формальной предикативностью, гибридный коммуникатив, собственно коммуникатив. К ним примыкает такая элементарная единица, как речевой жест» [Фатхутдинова 2016: 59].

В. Г. Фатхутдинова отмечает, что следует обратить внимание на то, что в устной разговорной речи тесно переплетены информативные и фатические (контактоустанавливающие) элементы речи. Для предикативных единиц (предложений) характерна информативная функция, а для коммуникативов непредложенческого характера (собственно коммуникативов) — фатическая.

Обратимся к разновидностям конструктивно-синтаксических единиц, которые приводит В. Г. Фатхутдинова, ссылаясь на С. В. Андрееву, в учебно-методическом пособии «Морфология русского языка: за пределами знаменательных частей речи» (2016).

Собственно коммуникатив — «самостоятельная непредикативная синтаксически нечленимая конструктивно-синтаксическая единица, выполняющая фатическую (реже — информативную) функцию» [там же]. К коммуникативам традиционно относят и релятивы, непредикативные приветствия / прощания, этикетные формулы: «*Привет! Прощай! Пока! Ну давай!*» [там же].

Автор разбирает коммуникатив *Ну давай!*, в этом коммуникативе полностью редуцирована глагольность, отсутствует парадигма словоизменения, утрачивается информативное значение, приобретаетс я междометное значение фатического содержания. Собственно коммуникативы передают сигналы эмоционального восприятия: «*Ой! Да ты что? Что ты!*», выражают констатирующие и поощрительные реакции: *А. Ага. Ну?*» [там же]. С тем, что у коммуникатива *Ну давай!* отсутствует парадигма словоизменения, можно не согласиться, так как данная единица изменяется в числе: *Ну давайте!* Можно попрощаться с группой людей, сказав *Ну давайте!*, поэтому данная характеристика является неточной.

Гибридный коммуникатив (Термин О. Б. Сиротининой) — «самостоятельная конструктивно-синтаксическая единица, характеризующаяся эксплицитной или ситуативно-речевой предикативностью» [60], реализующая синтаксическую модель (чаще фразеологизированную) в её неполном варианте, сочетающая информативную и фатическую функции: «*Как твои? Привет им!* (Как твои близкие проживают? Передай им привет.); *До завтра!* (встретимся завтра)» [там же].

Коммуникатив с формальной предикативностью — «самостоятельная или несамостоятельная конструктивно-синтаксическая единица с эксплицитной предикативностью реализующая общелитературную синтаксическую модель, однако выполняющая только фатическую функцию: *До свидания дорогая! — Целую тебя!; Вообрази* иду я вчера по Баумана вижу ...; *Она мне ничего не сказала... Представляешь!*» [там же]. Данные единицы приближены к клишированным этикетным формулам. Автор пишет, что «у конструктивно-синтаксической единицы этого типа, несмотря на формально выраженную предикативность, информативный компонент функционально “угнетён”» [там же]. Этот информативный компонент только подготавливает собеседника к восприятию дальнейшей информации, дает возможность говорящему апеллировать к вниманию и чувствам собеседника.

Речевой жест — «самостоятельная непредикативная нечленимая речевая единица, выполняющая сигнальную функцию» [там же]. Она похожа на междометия: «*О-ох!* — *Что опять болит?*; *Бр-р...* (поёживаясь) — *Говорила тебе - одень кофту*» [там же]. Автор ссылается на мысль А. Р. Лурии, данные рефлекторные реакции, возникающие произвольно на какую-либо ситуацию, не считаются истинной речью, так как не передают сообщение или отношение к событию с помощью кодов языка [там же]. Можно сказать, что речевые жесты не относятся к языку,

но они языкоспецифичны, поэтому относятся к кодам языка. Мы считаем, что звукоподражания необходимо вводить на начальном этапе, чтобы в дальнейшем учащийся понимал фразеологизированное употребление. Например, «ты совсем ку-ку» в разговорной речи используется в значении «я от тебя в шоке», чтобы иностранец понял смысл этого выражения, ему надо знать основное значение (в данном случае — звукоподражание).

Все разновидности коммуникативов осуществляют «регулятивную стратегию» диалога, выполняя коммуникативную функцию [там же].

Т. Н. Колокольцева считает, что специфические коммуникативные единицы — «важнейшее проявление синтаксического строя диалогической речи и ее необходимый атрибут» [Колокольцева 2001: 57]. Автор разделяет специфические коммуникативные единицы на два типа: коммуникативы и незавершенные высказывания. Автор выделяет следующие признаки данного класса единиц: «непредложенческий характер данных единиц, высокая степень имплицитности их семантики, особые отношения диктума и модуса, ориентация на выполнение в диалоге регулятивных функций, связанных с согласованием коммуникативных стратегий и тактик собеседников, созданием определенной тональности общения» [там же].

Г. В. Дагуров делит коммуникативы на шесть разрядов:

- 1) эмоционально-экспрессивные;
- 2) эмоционально-оценочные;
- 3) побудительные;
- 4) утвердительные;
- 5) отрицательные;
- 6) вопросительные.

Исследователь выделяет данные разряды на основании следующих признаков: цель высказывания, коммуникативные функции в речи, характер выраженного в данных единицах отношения к действительности [Колокольцева 2001: 54]. Г. В. Дагуров пишет, что в роли коммуникативов выступают: 1) самостоятельно употребленные междометия; 2) императивные слова: *но!*; *ну!*; *тсс!*; 3) модальные частицы и слова; 4) фразеологизированные сочетания: *была не была! Вот те на! Вот так клюква!* [Колокольцева 2001: 61]. По мнению Т. Н. Колокольцевой, данная классификация лишена единого основания.

Е. А. Земская классифицирует коммуникативы¹, учитывая их генезис и значения. Исследователь выделяет коммуникативные единицы, в составе которых: незначаменные слова, омонимичные частицам (*Вот!*; *Ну!*); фразеологизмы (*Нични*; *Подумать только!*; *Что ты!*; *Надо же!*); формы именного происхождения (*Ерунда!*; *Пустое!*; *Комедия!*); формы местоименного происхождения (*Ничего!*); компоненты наречного происхождения (*Здорово!*; *Ладно*); глагольные словоформы (*Идет!=согласен*; *Давай!*; *Скажешь!*) [Земская 2011: 100]. Е. А. Земская выделяет три группы по семантическим признакам: 1) передающие согласие / несогласие; 2) выражающие оценки разного рода; 3) передающие побуждение [там же]. Что важно, она считает, что без знания данных единиц нельзя не только активно пользоваться разговорной речью, но и понимать ее [Земская 2011: 101].

Т. Н. Колокольцева приводит классификацию коммуникативов В. Н. Шаронова. Исследователь делит высказывания на четыре интенциональных класса: 1) ментальный (подтверждение, возражение, угроза, признание); 2) этикетный (извинение, благодарность, осуждение); 3) эмоциональный (радость, удивление, недовольство); 4) побудительный (просьба, требование, уговаривание) [Колокольцева 2001: 55]. Мы считаем, что в данной классификации границы ментального и этикетного классов несколько размыты, так как их функции (интенции) нельзя разграничить. Например, в ментальном классе угроза — это то же самое, что осуждение в этикетном классе, у них схожая интенция — выражение негативного отношения.

Т. Н. Колокольцева систематизирует специфические коммуникативные единицы по функциональным зонам (ФЗ), так как это высказывания, обладающие определенной функциональной направленностью [Колокольцева 2001: 56]. Функциональная зона — «это часть коммуникативного пространства, занимаемого совокупностью высказываний, объединенных общностью инвариантного значения и коммуникативного назначения» [там же].

Автор пишет, что функциональные зоны коммуникативов находятся в сфере дискурсивной модальности. Это основные четыре ФЗ: 1) согласия / подтверждения; 2) несогласия / отрицания; 3) когнитивно-модальных оценок и квалификаций; 4) эмоциональных реакций. Стоит отметить, что первая и вторая ФЗ относятся

¹ Термин, который использует в этой книге сама Е. А. Земская, — релятивы, однако отметим, что в наши дни коммуникативы являются общепринятым термином.

к одной функции: первая ФЗ — функция согласия, вторая ФЗ — функция несогласия. Мы считаем, что функции данных зон можно объединить в одну зону согласия / несогласия, поскольку они выражают готовность говорящего продолжать или не продолжать коммуникацию или действия, о которых говорится в акте коммуникации.

Как пишет Т. Н. Колокольцева, из-за того, что отсутствуют четкие границы между классами неполнозначных слов, часть лингвистов решили отказаться от разграничения некоторых служебных частей речи и ввели для их обозначения термин — дискурсивные слова. Дискурсивные слова — единицы, обеспечивающие связность текста, отражающие «процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [там же]. Данные единицы помогают понять позицию говорящего, то как он интерпретирует факты, о которых говорит слушающему, какую оценку дает этим фактам с точки зрения важности, правдоподобности и т.п. [там же]. Эти единицы регулируют процесс общения: «выражают истинностные и этические оценки, presupпозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом» [там же]. У этого класса слов в традиционной терминологии нет названия [Колокольцева 2001: 63]. И. А. Шаронов пишет, что дискурсивами называют частицы, модальные наречия и вводные слова [Шаронов 2016: 3]. В ходе исследования дискурсивов были выработаны аналитические приемы, позволяющие выделить указательные, выделительные, усилительные и другие функции этих единиц. В этом исследовании дискурсивные и коммуникативные употребления языковой единицы описываются как нечто единое. Как пишет автор, дискурсивные характеристики единицы богаче, чем коммуникативные, характеризующиеся лаконичностью [там же].

Дискурсивные слова и коммуникативы представляются нам конкурирующими терминами, термин «коммуникатив» кажется более разработанным и отражающим функцию этих единиц. И. А. Шаронов считает, что коммуникативы следуют за дискурсивами, то есть некоторые глагольные формы обособляются от парадигмы глагола в условиях ведения диалога, эти формы переходят в дискурсивы, а затем эволюционируют в коммуникативы [Шаронов 2016: 5].

Т. Н. Колокольцева пишет, что коммуникативы в репликах-стимулах обычно занимают финальную позицию и оформляются вопросительной интонацией [70]. Автор отмечает, что количество дискурсивных слов в данных репликах невелико (обычно это: *да, ладно, хорошо*). Исследователь отмечает, что реплики-

стимулы не могут называться коммуникативами, так как «они не имеют статуса относительно самостоятельного высказывания» [там же]. Прагматическое значение данных единиц заключается в «снижении категоричности выражаемого побуждения, в усилении степени кооперативности диалогического взаимодействия, в «шаге навстречу» говорящему» [там же]. По нашему мнению, реплики-стимулы все же можно отнести к коммуникативам, так как они регулируют коммуникацию — используются в целях расположить к себе собеседника. Коммуникативы в репликах-стимулах подчеркивают диалогичность ситуации, так как данные единицы показывают собеседнику, что говорящему не безразлично мнение слушающего.

В. Ф. Киприянов считает, что коммуникативы — «это лексико-грамматический класс слов, категориальная совокупность признаков которых явно отграничивает их от всех других лексико-грамматических классов слов (ЧР) и в то же время ставит их в один ряд с ними в рамках единой системы ЧР» [Киприянов 1986: 92]. Исследователь выделяет данный класс слов, основываясь на следующих признаках: 1) семантический — выражение целостной, нерасчлененной мысли; 2) морфологический — неизменяемость; 3) синтаксические: а) функционирование в качестве однословного нечленимого предложения; б) не сочетаются с полнозначными словами или синтагматическая обособленность [там же]. Точка зрения Киприянова представляется нам не бесспорной, так как коммуникатив не функционирует самостоятельно, он всегда встроен в контекст. Значение коммуникатива может меняться в зависимости от контекста.

В. Ф. Киприянов пишет, что лексический состав коммуникативов неоднороден, выделяется несколько групп и подгрупп коммуникативов [там же: 97]. К основной группе коммуникативов он относит первообразные коммуникативы, считая их ядром коммуникативов как лексико-грамматического класса. Как пишет автор, слова этой группы немногочисленны и малопродуктивны. В данную группу входят: 1) слова с общим значением побуждения: «ау, бис, стоп, тсс, цыц» [там же]; 2) слова с общим значением оценки или отрицания: «браво, баста, шабаиш»; 3) слова с другими значениями: «алло, аюшки, полундра, спасибо, ура» [там же]. В. Ф. Киприянов выделяет и другую группу, более многочисленную и продуктивную — это слова, сформировавшиеся в процессе коммуникативации [там же].

Под коммуникативацией он понимает переход словоформ разных ЧР в класс коммуникативов. Данный процесс активен, коммуникативация некоторых словоформ еще не завершена. Автор выделяет следующие подгруппы слов:

- 1) коммуникативы именного происхождения: *«беда, ужас, дело, неправда, караул, пустое, глупости, разговорчики»*;
- 2) слова, омонимичные местоименным словоформам: *«все, как, каково, ничего, так»*;
- 3) слова, омонимичные глагольным словоформам: *«брось (-те), постой (-те), будет, хватит, погоди (-те)»*;
- 4) слова, омонимичные наречиям: *«верно, довольно, ладно, пока, полно, тихо»*;
- 5) слова-коммуникативы, омонимичные неполнозначным словам: *«а, вот, ну, но, то-то»* [Киприянов 1986: 98].

Как пишет О. Б. Сиротинина, значительную часть словоупотреблений в разговоре составляет незнаменательная лексика. В речи одного носителя эта лексика однообразна, так как человек использует привычные для него слова (вводные слова, частицы и т.д.), например: одни носители языка используют слово *значит*, другие — *понимаешь*, третьи — *знаешь* [Сиротинина 1974: 71].

Исследователь пишет, что незнаменательная лексика в разговорной речи используется для заполнения ««вынужденных» в условиях спонтанной речи пауз» [там же]. В этой роли часто выступают частицы *вот, ну*.

По мнению О. Б. Сиротининой, к незнаменательной лексике относятся и местоимения. Например, широко распространено употребление местоимения *«такой»* в функции эмоционального определения без опоры на ранее названный признак: *«Он такой человек!»*. Также в этой функции употребляются местоименные наречия (*часто, там*) и личные местоимения 3-го лица [Сиротинина 1974: 73].

О. Б. Сиротинина рассматривая непредикативные коммуникативные единицы, останавливается на релятивах, содержащих только реакцию на высказывания: *«да, нет, конечно, еще бы, еще чего»* или ситуацию: *«ух ты!, спасибо, привет»* [Сиротинина 1974: 109]. Эти единицы очень разнообразны по лексическому выражению и по содержанию (отрицание, согласие, приветствие), по степени эмоциональности. Кроме релятивов автор выделяет «указатели». Так же как релятив, они

прикованы к ситуации, могут быть заменены жестом: «*вот здесь у меня союзы и вот такое замечание (показывает)*». Для РР характерны и вокативы¹.

И. А. Шаронов считает, что коммуникативы — это короткие аграмматичные стереотипные реплики диалога [Шаронов 2009: 543]. Автор приводит пример данных единиц: *ни-ни-ни, пустое, ну уж, окстись, еще чего, дудки, отпад, ни боже мой, ладушки, так и быть* [там же]. И. А. Шаронов отмечает, что коммуникативы отличаются от обычных языковых единиц отсутствием следующих характеристик: словоизменение и синтаксические связи. Эти единицы обладают устойчивой формой, неявными прагматическими и дискурсивными свойствами, интонационной закрепленностью [там же].

Автор перечисляет следующие категориальные характеристики коммуникативов:

- 1) синтаксическая независимость — это, преимущественно, ответные реплики диалога;
- 2) интенциональное значение, слабо связанное с семантикой составляющих коммуникативы компонентов, так как данные единицы состоят из частиц и частично десемантизированных слов и их сочетаний;
- 3) относительная фиксированность формы;
- 4) устойчивый интонационный контур [там же].

Автор пишет, что «интенциональное значение, передаваемое коммуникативами, позволяет объединять их в большие группы единиц, выражающих подтверждение, согласие, возражение, отказ, благодарность, клятву, угрозу» [там же]. В традиционной лингвистике понятие интенции, или речевого намерения представлено в виде классификации высказываний по цели: утвердительные, вопросительные, побудительные и восклицательные высказывания.

По мнению И. А. Шаронова, для описания коммуникатива требуется:

- 1) выявить речевую интенцию, или функцию коммуникатива в диалоге;
- 2) учитывать, как выражается речевая интенция — прямо или косвенно;

¹ Вокатив (лат. *vocativus* — звательный падеж). 1. То же, что звательный падеж. 2. То же, что обращение [Розенталь, Теленкова 1976].

3) выявить значение эталонной формы коммуникатива, для этого нужно определить исходное значение начальной формы, возвратив недостающие компоненты, «вынуть» данную форму из риторических приемов, таких как ирония, риторический вопрос;

4) выявить границы дискурсивной сочетаемости с соседними репликами;

5) выявить устойчивые интонационные контуры и другие фонетические характеристики коммуникатива [Шаронов 2009: 544].

В практической части нашей работы мы будем выявлять функцию коммуникатива в диалоге. Как пишет И. А. Шаронов, чтобы выявить речевую интенцию или функцию коммуникатива, нужно переделать коммуникатив в косвенную речь. Тогда коммуникатив заменяется целиком на предикаты со значением интенции, ментального или эмоционального состояния говорящего [там же]. Автор приводит пример, *то-то и оно* заменяется на *подтвердить что-либо*. Данный способ помогает осуществить сбор и первичную классификацию коммуникативов в интенциональные ряды, такие как подтверждение гипотезы или оценки; согласие с мнением; согласие, готовность выполнить требуемое действие; отрицание факта; несогласие с мнением или оценкой; отказ выполнить требуемое действие и др. [там же].

На основе точек зрения разных исследователей нами были выделены (дополнены) функции коммуникативов:

1) согласие / несогласие (*Да, хорошо, окей, ладно / нет, никогда, ничего, пойдет*);

2) побудительная функция, проявляющаяся в просьбе, требовании, уговаривании (*Стоп*);

3) этикетная функция, выражающая извинение, благодарность, осуждение (*Здравствуйте, спасибо*);

4) вопросительная функция (*Ну? И?*);

5) эмоционально-оценочная функция (*Хорошо, вау, ужас*);

6) несоответствие ожиданиям говорящего (*Разве? Неужели? Да ладно?*);

7) контактоустанавливающая функция (*Внимание! Алё!*);

8) понимание / непонимание (*Понятно. Ясно. То есть? Как? В смысле?*);

9) подготовка к восприятию дальнейшей информации (дает время на продумывание речи) (*Ну смотри*).

Итак, однозначного мнения о том, что такое коммуникативы, не существует, и это связано с многообразием данных единиц. Близки к этим единицам хезитативы и рефлексивы, которые похожи по форме на коммуникативы, но их функции различны.

6. Хезитативы и рефлексивы как особые единицы РР

В этом разделе мы рассмотрим другое типичное явление устной спонтанной речи — паузы хезитации и рефлексивы. Во время речепорождения у говорящего часто возникают речевые сбои, которые сигнализируют собеседнику, что он думает и скоро продолжит свою мысль. Этот момент иностранец должен замечать, чтобы отличать речевые сбои от информативной части сообщения. Именно поэтому данные явления нужно учитывать в преподавании РКИ.

Рассмотрим вербальные хезитативы русской устной речи по Н. В. Богдановой-Бегларян. Исследователь пишет, что устной речи свойственны паузы хезитации (колебания), которые «возникают в проблемных точках речепорождения» [Богданова-Бегларян 2015: 346], различаются незаполненные (физическая пауза)¹ и заполненные различным способом: неречевым звуком: «э-э, м-м, гм», вербальными единицами в одно слово или целых конструкций:

«— а вот (э-э) на... н... вот наше вот это вот (э-э) вот это вот / вот тут / тут сложнее гораздо / да // потому что / значит / я вот вот (э-э) вот эти / ну в принципе / значит / ну / н... по моим / понятиям значит / я же не отличу так скажем / таджика от узбека что называется / да да да // да ? (ОРД);

— так был ярк... (...) это самое (...) был (...) июльский день / вот / небо было чистым / безоблачным / солнце (...) светило (...) ну я не знаю / это надо описывать как-то (САТ)» [там же]

¹ В расшифровках мы также будем использовать для обозначения физической паузы многоточие в скобках — (...).

Автор называет предыдущие конструкции вербальными хезитативами, «весь класс которых можно считать результатом протекающего в устной речи процесса прагматикализации» [там же]. Под данным процессом подразумевается изменение семантики лексической единицы, повышение роли прагматического компонента, единица изменяет или утрачивает свое лексическое, нередко грамматическое значение, «главным для нее становится та функция, которую она реализует в структуре устного текста (дискурса) и которую можно назвать прагматическим значением данной единицы» [там же]. Вербальные хезитативы выполняют ряд функций: хезитативная функция — первичная функция для всех вербальных хезитативов, они становятся маркерами поиска (слова, выражения, вообще продолжения речи), дейктическими или дискурсивными маркерами (стартовыми, навигационными, финальными), маркерами метакоммуникации, самокоррекции, указаниями на чужую речь или ритмообразующими [там же]. Автор пишет, что вербальный хезитатив может маркировать поиск говорящим разных компонентов текста, то есть выполнять поисковую функцию:

- 1) поиск глагола-сказуемого (или его части): «*как бы он не это самое* (ОРД)»;
- 2) поиск предиката (не действия): «*снимочки мы делали / там вроде косточки нормальные / да? у вас? // да / там (:)* они это / *как его? ближе к спрессованным* (ОРД)»;
- 3) поиск наименования (чаще — имени существительного): «*а потом нас еще и повезли / как бы на эти самые* } *на день рождения* (САТ)»;
- 4) поиск определения: «*я уже думал / может опять отправить их одних // *П всё-таки с ребёнком / там море такое знаешь (...) опасное* (ОРД)»
- 5) поиск обстоятельства: «*она говорит да ладно *Н и вот знаешь говорю / у меня уже собеседование говорю / **знаешь как** *Н критически так смотрю @ угу* (ОРД)»;
- 6) поиск предикативной единицы: «*он м-может умереть / вообще невозможно / потому что он так любил жизнь / у него же **вот это вот он постоянно всё** / пытался везде успеть // я помню когда мы еще только познакомились* (САТ)»

По мнению Н. В. Богдановой-Бегларян, вербальные хезитативы в поисковой функции отражают самую суть спонтанного речепроизводства: любое развитие монолога вперед «может вызвать у говорящего хезитационную заминку» [Богда-

нова-Бегларян 2015: 348], во время которой говорящий подбирает нужную языковую единицу, что-то корректирует или меняет микротему [там же]. Автор пишет, что рефлексивы — это конструкции, возникающие как рефлекс говорящего на произведенный им хезитативный поиск. Эти конструкции возникают, когда говорящий выражает некоторым образом свое отношение к результату этого поиска: остается неуверенным в том, что нашел то, что нужно; снимает с себя ответственность за сказанное, используя конструкции с общим значением *«если я не ошибаюсь»* или задавая риторический вопрос: *«так ли?»* [там же]. Автор выделяет рефлексивы как самостоятельный класс прагматем устной спонтанной речи:

*«— главное у нее сегодня **этот () как его** / лабораторный день / или как сказать? (ОРД)»* [там же].

Н. В. Богданова-Бегларян отмечает, что данный термин имеет и несколько другое толкование: «метаязыковое комментирование актуальной для современного словоупотребления лексической единицы, хотя и обнаруживает некоторую близость к нему: говорящий непроизвольно, рефлексивно, подсознательно реагирует на только что сказанное и тем самым действительно осуществляет некоторое “метаязыковое комментирование”» [Богданова-Бегларян 2015: 348]. Мы согласны с тем, что рефлексивы — это рефлекторные конструкции, вызванные хезитативным поиском. Покажем это на нашем примере, в котором дискурсивная единица «да» выступает в роли рефлексива. Н. В. Богданова-Бегларян пишет, что «да» с одной стороны, употребляется в метакоммуникативной функции, то есть привлекает или удерживает внимание, с другой стороны, как рефлексив — говорящий ждет согласия, что его информация понятна:

(2) <Pг1, Pг2, Pг3 спорят о правилах игры в Alias, У говорит, что в игре не надо использовать игральную кость¹>:

У. Неа / здесь нет кубика // Здесь вот так / стоим / угадала слово/ **да?** / и потом идешь дальше на следующую или какое слово ты угадала / **да** / вот допустим с шапкой угадала слово / идешь на шапку //

Н. В. Богданова-Бегларян отмечает, что в спонтанной речи рефлексивы употребляются не только в ходе хезитационного поиска. Говорящий затрудняется подобрать подходящую номинацию или «избегает точной номинации в силу тех или иных прагматических причин — и использует целый комплекс сигналов разного

¹ Здесь и далее условное обозначение У = учитель.

уровня, которые предупреждают слушающего об этой ситуации» [Богданова-Бегларян 2015: 351].

Итак, коммуникативы отличаются функционально от хезитативов и рефлексивов. Однако, если отвлечься от функции, то хезитативы, рефлексивы и коммуникативы совпадают по форме. С точки зрения изучения иностранного языка, важна формальная сторона данных единиц, поэтому, рассматривая необходимость их включения в преподавание РКИ, мы включаем в рассмотрение как коммуникативы, так и хезитативы и рефлексивы.

Мы будем понимать под коммуникативами элементы речи — слова, фраземы, короткие предложения, — которые могут занимать как ответную (реплика-реакция), так и стимулирующую / первичную позицию (реплика-стимул). Коммуникативы выражают эмоции, мнения, оценки. Данные элементы речи связывают текст, подготавливают к восприятию следующей информации.

7. Коммуникативы, рефлексивы и хезитативы в аспекте преподавания РКИ

В преподавании языка существенную роль играет **аудирование** — восприятие языка на слух. Особенно сложным для изучающего язык является понимание / распознавание коротких слов в устной речи, так как данные элементы интонационно слабо выражены, абстрактны, коротки и их смысл зависит от контекста. Мы считаем, что данные элементы (коммуникативы, хезитативы, рефлексивы) обязательно надо включать в преподавание РКИ, так как они, с одной стороны, выполняют важную функцию — способствуют установлению контакта между собеседниками, связывают информационные части текста между собой, делают разговорную речь «живой», а с другой стороны — знание, понимание и способность услышать столь краткую единицу необходимо, чтобы иностранец адекватно воспринимал и понимал живую речь. Как мы уже упоминали, Е. А. Земская указывает на то, что без знания коммуникативов невозможно активно пользоваться разговорной речью и понимать ее [Земская 2011: 101].

Приведем один пример из собранного нами аутентичного речевого материала (подробнее о том, как и где собирался материал, см. в главе II на стр. 33). В примере выделены коммуникативы, которыми богата разговорная речь любого языка:

(3) <4 человека хотят начать играть в настольную игру Alias. В предыдущей реплике коммуниканты решают, как будет проходить игра: каждый играет сам за себя или играют в парах. Решают разделиться на пары, то есть Рг2 и Рг1 играют вместе>:

Рг2. **Да-а** ^{К = подтверждение} / **мы по парам** / **всё** ^{К = пора приступить к игре} // **Давай** ^{К = побуждение — ‘говори уже какие-нибудь слова’} / **рандомное слово** // **Нет** ^{К = отрицание, ‘резко передумывает, говори первое слово’} / **первое**

Приведенные в примере (3) коммуникативы обладают следующими признаками: они интонационно слабо выражены, абстрактны, коротки, их смысл зависит от контекста¹.

Подробно использование коммуникативов в реальной речи рассматривается во второй главе работы, в которой анализируются аудиозаписи, содержащие речь на двух языках: русском и эстонском.

¹ Частично теми же формальными признаками обладают междометия, предлоги и другие краткие слова: в устной речи комбинации данных единиц (например, *мы по парам*) воспринимаются на слух как одно слово, и это может вызвать непонимание у тех, для кого русский язык является неродным. Однако значение предлогов, междометий, союзов и т. д. понятно, и они традиционно включаются в курс РКИ, поэтому в своей работе мы их не рассматриваем.

Глава 2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОММУНИКАТИВОВ, ХЕЗИТАТИВОВ, РЕФЛЕКСИВОВ В РУССКОЙ И ЭСТОНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

(на примере аудиозаписей реальных диалогов в клубе общения)
И ВОПРОС ВКЛЮЧЕНИЯ ИХ В КУРС ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В этой главе рассмотрим русские и эстонские коммуникативы, хезитативы, рефлексивы (КХР) на материале реальных диалогов и полилогов, аудиозаписи которых были сделаны в рамках проекта «Поговори со мной / Räägi minuga» (2017/2018 уч.г.). Цели нашего исследования:

- 1) выявить КХР (имея в виду, что они могут передавать несколько значений в зависимости от ситуации);
- 2) рассмотреть КХР в русском и эстонском языках;
- 3) выявить функции КХР;
- 4) показать, что КХР нужно включать в преподавание русского как иностранного, а также в преподавание эстонского как иностранного;
- 5) дать рекомендации по включению КХР в курс РКИ на уровне лексики и стиля в таких видах речевой деятельности как говорение и аудирование.

1. Источники языкового материала

Проект «Поговори со мной / Räägi minuga» заключался в том, что в течение 2017/2018 учебного года проходили встречи гимназистов из русских и эстонских школ, в ходе которых происходило живое общение в целях обучения русскому и эстонскому языкам. Общение проходило в непринужденной обстановке: ученики русской и эстонской гимназий распределялись по группам и выполняли практические задания (как правило, не лингвистические), заданий грамматического типа отдельно не было, все задания были направлены на организацию взаимодействия учеников друг с другом. А также отметим, что преподаватели не контролировали процесс общения, что создало непринужденную обстановку. Именно поэтому мы решили анализировать речь гимназистов.

Поскольку общение происходило на двух языках: русском и эстонском, записи содержат явления как эстонской, так и русской устной разговорной речи.

Нашей задачей является выявление и описание коммуникативов, хезитативов и рефлексивов. Результаты анализа могут быть использованы в преподавании РКИ, так как данные единицы являются неотъемлемой частью русской разговорной речи, а наша цель — приблизить преподавание РКИ к естественной речи.

В ходе анализа мы обнаружили, что функции КХР в эстонском и русском языках похожи, это дает возможность в будущем сделать словарь функционально-идентичных единиц.

Всего в рамках проекта «Поговори со мной / Räägi minuga» было сделано 5 диктофонных записей, общее время записей составляет 185 минут:

Запись 1. «Игры» (длительность 1 час 30 минут).

Запись 2. «Ярмарка» (длительность 18 минут).

Запись 3. «Хэллоуин» (длительность 1 час).

Запись 4. «Музыка», состоящая из двух записей: 1) 12 минут, 2) 16 минут.

Запись 5. «Фильмы» (длительность 17 минут).

В третьем разделе главы «Расшифровка и анализ аудиозаписей» представлены не полные тексты расшифровок, а фрагменты аудиозаписей, включающие КХР. Так как длительность аудиозаписей в сумме составляет около двух с половиной часов, то целесообразно рассматривать именно те фрагменты, которые демонстрируют употребление интересующих нас единиц — КХР.

2. Условные обозначения

В расшифровках устных текстов мы будем использовать символы, предложенные Н. В. Богдановой-Бегларян:

/ — синтагматическое членение;

// — фразовое членение;

*П — пауза;

(...) — краткая пауза хезитации;

*Н — неразборчивый фрагмент речи;

(?) — вероятная / спорная расшифровка;

по... — оборванное слово;

— смена говорящего;

@ — наложение речи разных говорящих;

Е-е-е-е — скандирование, затягивание гласных и согласных передается при помощи дефиса [Богданова-Бегларян 2015: 346].

Кроме того, в наших расшифровках используются некоторые пунктуационные знаки (! ? — знаки для передачи восклицательных и вопросительных реплик) и следующие условные обозначения и сокращения (которые будут использоваться и в комментариях к расшифровкам):

< > — описание ситуации (экстралингвистический комментарий);

<...> — фрагменты записи отстоят по времени, не являются связанными;

К, (К) — коммуникатив;

Х, (Х) — вербальный хезитатив;

Р, (Р) — рефлексив;

Рг — русскоговорящий ученик;

Эг — эстонговорящий ученик;

У — учитель;

С — студент.

Расшифровки аудиозаписей сопровождаются комментариями, в которых описываются значения использованных КХР, а также комментарии относительно того, какие из данных единиц стоит включать в преподавание РКИ.

3. Расшифровка и анализ аудиозаписей

ЗАПИСЬ 1. «Ярмарка»

Данная запись была сделана в ситуации, когда ученики готовились к предстоящей Рождественской ярмарке, обсуждали, что они будут мастерить и что на ней продавать. Запись была сделана в конце ноября 2017 г.; длительность записи составляет 18 минут. Участники записи: две ученицы из русской гимназии (Рг1, Рг2) и две ученицы из эстонской гимназии (Эг1, Эг2).

<Рг1 видит, что у нее чья-то ручка и не помнит, кто ее дал>:

Рг1. Блин ^{К = 'негодование'} <не помнит, кто дал ей ручку> / мне кто-то сёдня ручку одолжил *Н

<...>

<Рг1, Эг1 решают, что будут продавать на рождественской ярмарке>:

Эг1. Mille kohta me teeme?

Рг1. Kuusehted ja *Н

Эг1. **A-a** (...) X = 'поиск' **Okei** K = 'согласие' kuusehtedega hakkame // Aga siis... kirjutame
siia taha **onju** P = 'уточнение' / siin on parem

Эг1. Aga teie ise kirjutate vene keeles **onju**? K = ожидание согласия

Рг1. **Mhm** K = 'согласие'

<...>

<Договариваются о цене украшения. Решают, что одно украшение будет стоить
одно евро>:

Эг1. **Hea küll** K = 'заключение' <ну хорошо> paneme euro siis

Эг1. Paneme nagu üks kuusehe on üks euro

<...>

<Договариваются о цене украшений>:

Эг 1. Kas kuusehteid? **Okei** K = 'хорошо' / paneme *Н eurot

Рг1. **Отлично** K = 'недоумение, недовольство' <ладно> у нас это стоит два / это один *Н

Рг2. **Какая разница** K = 'недовольство' <ей не нравится этим заниматься> *Н

<...>

Эг1. Mille kohta me pidime veel (...) ? <arutama>

Эг1. Kakao

Эг2. **Ja-a** K = 'подтверждение'

Эг1. **Е-е-е-е** X = <думает, сколько будет стоить какао> **Говорите** K = 'привлечение внимания, уточнение' два
<евро>?

Рг1. Начальная цена одно евро / дадите больше?

Комментарий к записи 1

Коммуникативы (рус.):

блин — 'негодование';

отлично — интонационно¹ выражает недоумение, подразумевается 'ладно,
так уж и быть';

¹ Коммуникатив *отлично* был произнесен с понижением интонации, что выражает, в частности, недовольство — по классификации интонационных конструкций ИК-4 [Одинцова 2006: 218].

какая разница — ‘безразличие’ <Рг2 все равно, стоит украшение одно или два евро>;

говорите — ‘уточнение, привлечение внимания собеседников’.

Коммуникативы (эст.):

okei — ‘согласие’;

onju — ‘уточнение, ожидание согласия’;

mhm — ‘согласие’;

hea küll — ‘подведение итога, согласие’;

ja-a — ‘подтверждение’.

Хезитативы: *a-a* — невербальный (Х), ‘обдумывание предыдущей информации’.

Рефлексивы: *onju* — ‘уточнение информации’.

В преподавание РКИ следует включать следующие коммуникативы: *блин, какая разница, говорите*, чтобы иностранец понимал, что их значение зависит от языковой ситуации.

Следует обратить внимание, что в зависимости от контекста при помощи интонации значение коммуникатива может меняться. Покажем это на нашем примере, где коммуникатив *отлично* не выражает прямое значение согласия или ‘очень хорошо’:

<Договариваются о цене украшений>:

Эг 1. Kas kuusehteid? **Okei** ^{K = ‘хорошо’} / paneme *H eurot

Рг1. **Отлично** ^{K = ‘недоумение, недовольство’ <ладно>} у нас это стоит два / это один *H

Рг2. **Какая разница** ^{K = негативная реакция, недовольна ситуацией, ей не нравится этим заниматься}
*H

ЗАПИСЬ 2. «Хеллоуин»

Данная запись была сделана в ситуации, когда ученики вырезают из тыквы фонарь к Хеллоуину. Запись была сделана в ноябре, длительность 1 час 5 минут, в записи участвует три ученика из русской гимназии (Рг1, Рг2, Рг3) и три ученика из эстонской гимназии (Эг1, Эг2, Эг3), а также учитель (У).

<Эг спрашивает перевод словосочетания>:

Эг. Проще всего on kõige lihtsam **vä?** ^{K = ‘вопрос’}

<...>

<Pг1 пытается перевести keedupott, хочет уточнить перевод у одnogруппников, B2 говорит, что это не «вареная», а «кастрюля». B1, услышав перевод, удивляется>:

Pг1. Что такое keedupott? Варёная?

Pг2. **Не-не-не**^{K = 'несогласие'} / это кастрюля

Pг1. **Боже**^{K = 'удивление'} <не ожидала, что это слово так переводится>

<...>

<Pг1 спрашивает, как переводится *saumikseriga*, Pг3 переспрашивает, так как Pг1 поставила неправильное ударение: *saumiksEriga*. Ей отвечает Pг2, что это *миксер*>:

Pг1. Что значит / **как это**^{X = 'поиск слова'} / *saumiksEriga*

Pг3. Как?

Pг1. *SaumiksEriga* (...) там **типа**^{X = 'поиск слова'} (...)

Pг2. Миксер

Pг1. **А**^{K = 'понятно'} (...) миксер

<...>

<Pг2 начинает резать тыкву, Pг1 говорит, что так не надо резать>:

Pг1. **Не-не-не-не**^{K = 'прекращение действия'} <не так надо резать, остановись>

Pг2. Я хотела немножко так надрезать

Pг1. Надо под наклоном <резать>

<...>

Pг2. <Предлагает два способа, как надо резать тыкву, но в конце говорит>: **Я не знаю**^{P = 'сомнение'} <перекладывает ответственность на других, решайте сами>

<...>

<Pг1 уточняет перевод слова *Puljongipulber*, Pг3 отвечает, что перевод этого слова есть на листе, но Pг1 не находит это слово и возмущается, говорит «Блин», тогда Pг3 переводит, Pг1 реагирует интонационно «А-а-а...», что значит понятно>:

Pг1. *Puljongipulber* это смесь для (...)?

Pг3. Там же есть это слово

Pг1. **Блин**^{K = 'недоумение'} тут просто овощной бульон

Pг3. Это бульонный порошок

Pг1. **А-а-а**^{K = 'понятно'}

<...>

<Pг1 начинает отрезать верх тыквы и рефлексивует «нормально», «нормально» отражает нейтральную реакцию>:

Рг1. О / уже вроде отходит <про верх тыквы, крышечку>

Рг1. **Норма-ально** K = 'соответствие норме' <пойдет>

Рг2. Так его можно чуть что подрезать

<...>

<У Рг2 получается достать мякоть из тыквы, Рг1 и Рг3 реагируют положительно>:

Рг1. **Подожди** K = 'ожидание' <постой, не торопись> / давай попробуем // вот здесь вот надо сделать

Рг3. **Во** K = 'начало действия' <получается достать мякоть> / **вытаскивай**

Рг1. **Опа** K = 'завершение действия, удовлетворение' <получилось достать мякоть>

Рг3. **Е-е-е-е** K = 'положительная реакция' <получилось вытащить мякоть>

<...>

<Рг1 спрашивает у У, когда У будет варить суп. У отвечает, когда получит мякоть. Рг1 уточняет, когда именно надо отдать мякоть>:

Рг1. Ei ma mõtlen kui kõik lõpetavad ja annavad seda

У. **Ja** K = 'согласие' / **just-just** K = 'подтверждение' <точно, именно так>

<...>

<Рг1 спрашивает, можно ли «поковыряться» в мякоти, Рг2 отвечает, что руками лучше, Рг3 подтверждает, что руками «ковыряться кайф»>:

Рг1. Ой / можно я поковыряюсь?

Рг2. А ты рукой лучше

Рг3. **Это кайф / это кайф** K = 'положительная реакция, удовлетворение'

<...>

<Рг1 говорит про тыквенные семечки, Рг3 подтверждает, что они вкусные, Рг2 реагирует негативно, потому что их чистить надо>:

Рг1. А семечки же запекают

Рг3. **Да** K = 'подтверждение' / тоже вкусно

Рг2. **Блин** K = 'недовольство' <негативная реакция, потому что чистить надо> / но только их чистить надо

<...>

<Рг1 нужна вторая перчатка, чтобы чистить тыкву, Рг2 отвечает, что перчаток уже нет>:

Рг1. **Мне кажется** K = 'передача информации' / мне нужна вторая

Рг2. Перчатка?

Рг1. **Да** K = 'согласие'

Рг2. А вон там лежит / **А-а** ^{Х = 'поиск' <ищет перчатку>} / или нет уже ничего

<...>

<Рг2 и Рг1 отделяют семечки от мякоти. Рг2 спрашивает, можно ли в мякоть руки засунуть, Рг1 дает согласие>:

Рг2. А теперь дайте ложку // **Во** ^{К = 'усиление, привлечение внимания'} / **стой** ^{К = 'прекращение действия' <перестань это делать>} // **Вот щас** ^{К = 'указание на подходящий момент'} будет ложкой удобно

Рг1. **Во** ^{К = 'завершение действия, удовлетворение' <положительная реакция, «вот так»>} (...) теперь можно отсюда выковырять <семечки>

Рг2. Можно туда руки засунуть?

Рг1. **Канеш** ^{К = 'разрешение'} / можно

<...>

<Решают, как вырезать глаза тыкве. Рг2 предлагает нарисовать фломастером и потом вырезать, а Рг1 сомневается, что у них получится, потому что нет специального инструмента для этого>:

Рг1. **Ну всё равно** ^{К = 'недовольство' <в любом случае нет шансов, что получится>} так не получится <как показано в инструкции>

Рг2. Почему?

Рг1. Потому что у нас нет специального приспособления

<...>

<Процесс вырезания>:

Рг1. Aga me võiks äkki midagi (...) sest ma arvan kõik teevad sarnased

Эг2. **Ja-a** ^{К = 'согласие'} / midagi originaalset

Рг1. Teeme need süda (...)

Эг2. Südamesilma?

Рг1. **Jah** ^{К = 'подтверждение'} / teeme need silmad

<...>

<Рг1 говорит возмущенно, что у Рг2 и Рг3 не получится вырезать глаза, потому что у них неподходящие ножи, Рг2 уверена, что у них получится это сделать>:

Рг1. Вы замучаетесь это вырезать

Рг1. **Блин** ^{К = 'недоумение'} / **просто** ^{К = 'усиление, привлечение внимания'} посмотрите какие у вас ножи / вы замучаетесь это вырезать

Рг2. **Нет** ^{К = 'несогласие'} / мы сможем! Мы треугольнички сделаем

<...>

<Эг3 предлагает Рг1,2,3 конфеты из Китая со съедобной рисовой оберткой. Рг2 переспрашивает, а можно ли их есть, Рг1 отвечает положительно («угу»), Рг2 удивляется, что обертка съедобная>:

Эг3. Tahad kommi? Need on Hiinast

Рг3. **Aitäh** К = 'благодарность'

Рг2. То есть их можно есть?

Рг1. **Угу** К = 'согласие'

Рг2. **Нифига** К = 'удивление'

<...>

<Эг1 спрашивает, как резать тыкву>:

Эг1. Kuidas me lõikame? Kas ma siit ära lõikan **onju** К = 'уточнение'?

<...>

<Обсуждают школьные предметы, Рг1 и Рг2 говорят о контрольной работе по географии, Рг4 реагирует негативно, ей не нравится этот предмет>:

Рг1. У нас география *Н

Рг2. География наверн тоже нормально **там** X = 'поиск слова'

Рг4. **Не хочу** К = 'нежелание' / она мне **так не нравится** К = 'недовольство' <подчеркивает, что данный предмет вообще не нравится> // Вообще терпеть не могу географию

<...>

<Рг1 уходит помогать У варить тыквенный суп, Рг2, Рг3 прощаются>:

Рг1. Ребята / я пойду У помогать суп делать

Рг2. **Давай** К = 'прощание' <понятно, пока>

Рг3. **Окей** К = 'согласие' / **давай** К = 'прощание' <пока>

Рг2. **Хорошо** К = 'согласие' <понятно>

Рг1. **Пока** К = 'прощание'

Рг2, Рг3. **Пока** К = 'прощание'

<...>

41, 47 <Хотят поставить свечку в тыкву, спрашивают у У, можно ли это сделать>:

Рг1. **Так** К = 'обращение внимания, подготовка к следующему действию' / и теперь свечку туда?

Рг2. **А я не знаю** К = 'неуверенность'

Рг1. Paneme sisse **vä** К = 'уточнение'?

Рг2. А мы можем ставить свечку внутрь?

У. **Можно / можно** К = 'разрешение' <ставьте>

<...>

<Решают, как поставить свечку в тыкву>:

Рг1. Главное / чтобы она стояла // Она будет стоять?

Рг2. Она будет стоять

Рг1. А свечка?

Рг2. Кинь туда

<Рг2 бросает свечку через отверстие в тыкву>:

Рг1. **Нормально** ^{К = 'согласие' <пойдет>}

Комментарий к записи 2

Коммуникативы (рус.):

нет — 'несогласие';

не-не-не-не — 'прекращение действия' <не так надо резать, остановись>;

нормально — 'соответствие норме; согласие; уверенность';

можно-можно — 'разрешение';

а я не знаю — 'неуверенность';

так — 'обращение внимания, готовность приступить к следующим действиям';

пока — 'прощание';

хорошо — 'согласие' <понятно>;

окей — 'согласие', англицизм, значение совпадает в эстонском и русском языках;

давай — 'прощание';

не хочу — 'нежелание';

так не нравится — 'недовольство';

нифига — 'удивление';

угу — 'согласие';

блин — 'недоумение, негативная реакция';

просто — 'привлечение внимания, усиление';

ну всё равно — 'недовольство' <нет шансов, что так получится>;

канеш — 'разрешение', (К) произносится с понижением интонации;

во — 'завершение действия, усиление, удовлетворение';

стой — 'прекращение действия';

вот щас — 'указание на подходящий момент';

да — 'согласие';

мне кажется — ‘быть готовым передать информацию’;
это кайф / это кайф — ‘положительная реакция, удовлетворение’ <совершать действие, доставляющее удовольствие>;
е-е-е-е — ‘положительная реакция’ <получилось что-то сделать>, англицизм, значение совпадает в эстонском и русском языках;
она — ‘завершение действия, удовлетворение’;
подожди — ‘ожидание’ <не торопись делать что-либо>;
а-а-а / а — ‘подтверждение, что ситуация понятна’;
боже — ‘удивление’.

Коммуникативы (эст.):

jah / ja-a / ja — ‘согласие’;
vä — ‘запрос на получение или уточнение информации’;
just-just — ‘согласие’ <точно, именно так>;
aitäh — ‘благодарность’;
onju — ‘подтверждение’;
onju? — ‘ожидание согласия, уточнение’.

Хезитативы:

а-а — невербальный (X), ‘поиск подходящего слова’;
как это — вербальных (X), ‘поиск подходящего слова’;
типа — вербальный (X), ‘поиск подходящего слова’;
там — вербальный (X), ‘поиск подходящего слова’.

Рефлексивы:

я не знаю — ‘сомнение, перекладывание ответственности на других’.

В РКИ стоит учитывать коммуникативы, выражающие разные значения, например, такие как *блин, во, нормально, нифига, боже, мне кажется, канеш, ну всё равно, подожди, стой*. Эти единицы могут иметь множество различных значений, зависящих от интонации, ситуации и контекста. Хезитативы стоит учитывать, чтобы иностранец отличал информативную часть сообщения от неинформативной, неинформативная часть — это хезитативы. Мы считаем, что нужно включать вербальные хезитативы в преподавание РКИ, так как иностранец может интерпретировать их как информативное сообщение. Рефлексивы используются для установления контакта с собеседником, именно поэтому иностранец должен понимать / воспринимать на слух моменты, когда говорящий ждет от него реакции.

ЗАПИСЬ 3. «Музыка»

Запись 3.1.

Данная запись сделана в ситуации, когда ученики выполняли задания на рабочем листе: описывали музыкальный стиль К-Рор, говорили 15 минут по-эстонски. Длительность записи 12 минут, запись была сделана в январе 2018 года. Участники записи: ученица из эстонской школы (Эг) и ученик из русской (Рг).

<Рг и Эг разговаривают о музыкальном стиле К-Рор. Эг спрашивает, какие исполнители данного стиля являются знаменитыми, вместе перечисляют названия групп/исполнителей, Эг подтверждает>:

Эг. Mis on tuntumad selle muusikastiili esindajad?

*Н <Эг и Рг Перечисляют названия групп>:

Эг. Jupp ^{К = 'согласие'} <перечислили названия групп>

<...>

<Рг и Эг говорили 15 минут по-эстонски, время закончилось и Эг спрашивает, теперь надо только по-русски?>:

Е А-а-а ^{Х = 'оценка ситуации' (...)} по-русски aint vä? ^{К = 'уточнение информации'}

<...>

Запись 3.2.

Данная запись сделана в ситуации, как два ученика из эстонской и два ученика из русской школ делали задание на рабочем листе по теме музыка, говорили 15 минут по-русски. Длительность записи 16 минут, запись была сделана в январе 2018 года.

<Ученики разговаривают об уроках вождения, кто-то называет цену автошколы и Эг удивляется, что цена слишком высокая>:

Эг. Jeesus ^{К = удивление}

Комментарий к записи 3

Коммуникативы (эст.):

jeesus — 'удивление';

vä? — 'желание получить информацию о происходящем';

jirp — ‘согласие’, заимствование, в русском языке такого варианта (К) нет.

Хезитативы:

a-a-a — невербальный Х, ‘оценка происходящей ситуации’.

Отметим, что эстонский коммуникатив *jeesus* совпадает по значению с русским коммуникативом *боже / господи*. Однако если мы представим себе ситуацию, когда русскоговорящий хочет выразить удивление на эстонском языке, то он с большей вероятностью употребит (К) *issand*, вместо (К) *jeesus*. Это связано с тем, что в русской РР нет (К) *иисус, выражающего функцию удивления, в отличие от частотных (К) *боже / господи*, поэтому эстонское *issand* воспринимается как калька и быстро проникает в речь изучающих эстонский язык. Очевидно, что (К) *Jeesus* может появиться в эстонской речи русскоговорящих только в результате свободного общения с эстоноговорящими.

В русской РР не используется и (К) *jirp*, поэтому при переходе на русский язык можно использовать аналогичный по функции согласия (К) *йеп*, который также является англицизмом, но заимствован без изменений.

ЗАПИСЬ 4. «Игры»

Данная запись сделана в ситуации, когда ученики играли в настольную игру Alias: сначала говорили о правилах игры, затем играли. Длительность записи 1 час 30 минут, запись была сделана в ноябре 2017 года. Участники записи: два ученика из русской школы (Рг1, Рг2), студент (С), три учителя (У1, У2, У3).

<У объясняет правила игры в Alias, делает паузу, Рг1 подхватывает, говорит *aja peale*, У говорит дальше, Рг продолжает говорить о правилах, но забывает как сказать по-эстонски ‘нельзя делать подсказки’ и говорит по-русски *короче подсказка*>:

У. See mäng käib niimoodi / et (...)

Рг1. Aja peale

У. Aja peale peate seletama nagu konkreetset teemat sis

Рг1. Aga ei tohi seal midagi (...) mingisid (...) **короче** ^{X = ‘поиск слова’ <не знает как по-эстонски будет подсказка>} подсказка

Рг2. Ja peab / э-э ^{X = ‘поиск слова’} / kus on täring? Seal oli niimoodi / et viskad ja mis täringu peal on / selle sõna seletada

<...>

<Подходит У2, начинает объяснять правила игры в Alias, в конце спрашивает у С:
Sa oskad Aliast? Ei oska **või**^{K = 'запрос на получение информации'} ? Ei **vä**^{K = 'запрос на получение информации, переспрос'} <не верит, что С не играл в Alias> ?

<...>

<В Алиас играют 4 человека, У предлагает разделить на команды>:

У. Ma arvan / et oleks mõistlik olla nimodi paaris ja nimodi paaris / **onju**^{K = 'ожидание подтверждения'} ?

<...>

<Рг1, Рг2, Рг3 спорят о правилах игры в Alias, У3 говорит, что в игре не надо использовать игральную кость>:

У3. **Hea**^{K = 'отрицание'} / здесь нет кубика // Здесь вот так / стоим / угадала слово / **да?**

Р = 'ожидание согласия, что информация понятна собеседнику' / И потом идешь дальше на следующую или какое слово ты угадала / **да**^{P = 'обращение внимания'} / вот допустим с шапкой угадала слово / идешь на шапку

<...>

<Рг1 не хочет, чтобы с ней в команде был Рг4, потому что они сидят рядом и будут видеть слова друг друга — это нечестно. Рг1 возмущается>:

Рг1. Так она будет видеть мои слова (...) **Алө-ё-ё**^{K = 'привлечение внимания'} <остальные не слушают ее> / она будет видеть мои слова

У2. **Алө-ё-ё**^{K = 'привлечение внимания'} <повторяет за Рг1 с шутливой интонацией, дает понять, что слышит ее> / сядь туда

<...>

<Решают начать игру, Рг2 говорит, что они с Рг1 будут играть в паре>:

Рг2: **Да-а**^{K = 'подтверждение'} / мы по парам / **всё**^{K = 'завершение'} <пора перейти к игре> // **Давай**^{K = 'побуждение к действию'} <говори уже какие-нибудь слова> / рандомное слово // **Нет**^{K = 'отрицание'} <резко передумывает, говори первое слово> / первое

<Рг1 говорит, что будет следить за временем в игре>:

Рг1: **Давайте**^{K = 'побуждение к действию'} <хочет быстрее начать играть> / я буду за временем

<Рг2 объясняет слова, Рг1 отгадывает>:

Рг2. See on sport / millega tegeles (nimi)

Рг1. **Э-э**^{X = 'поиск слова'} (...) **как это**^{X = 'поиск слова'} (...) волейбол (...) а как на (...) **э-э-э**^{X = 'поиск слова'} (...) võrkpall

Рг2. **Да**^{K = 'подтверждение'} / võrkpall

<Рг2 объясняет следующее слово, Рг1 отгадывает>:

Рг2. Iga õhtu sa kuuled teadet / et homme on päike

Рг1. Погода

Рг2. Eesti keeles погода

Рг1. Сложно / **щас** К = 'просьба подождать' <требуется время, чтобы подумать>

Рг2. На «И»

Рг1. Пм!

Рг2. **Да** К = 'согласие'

<...>

<Рг2 пытается объяснить слово, но не понимает, что оно значит>:

Рг2. **Госпади** К = 'негодование; волнение' <волнуется, не знает слово> / я не понимаю / что это значит

<Время заканчивается, Рг2 говорит, сколько слов отгадал Рг1>:

Рг2. **Короче** К = 'подведение итога' <подытоживает, что у них теперь 3 очка> / meil on kolm sõna

<...>

<Рг1 объясняет слова Рг2, время заканчивается, они набирают 8 очков, УЗ, услышав, сколько они набрали очков, реагирует положительно>:

УЗ. **Обалдеть** К = 'восхищение' <удачно сыграли> / **красота** К = 'восхищение' <удачно сыграли>

<...>

26 <Рг1 объясняет слово Рг2, Рг2 не может отгадать это слово, тогда Рг1 прекращает объяснения и переходит к следующему слову>:

Рг1. Meil on Soome (...) Soome

Рг2. Piir?

Рг1. **Нет!** К = 'отрицание'

Рг2. Что?

Рг1. Вода (...) это soome (...)

Рг2. Vesi

Рг1. **Ладно** К = 'согласие' / **пофиг** К = 'равнодушие' <неважно> / дальше

<...>

<УЗ отгадывает слова, С объясняет, по истечении времени УЗ говорит, что>:

УЗ. С хорошо объясняет / я хорошо отгадываю // Я объяснять ваще ничо не умею / да? К = 'ожидание подтверждения' / С / **правильно?** К = 'ожидание подтверждения'

С. Я может не понимаю просто

УЗ. **Да?** К = 'сомнение, переспрос' **Не** К = 'несогласие' / я / по-моему / сама не понимаю / чо я говорю

С. Ну / **бывает** K = 'утешение; понимание' <с кем не бывает>

<...>

<Pг1 и Pг2 получают шесть очков за раунд, теперь нужно объяснять слова под цифрой шесть, а Pг1 это не нравится>:

Pг1. **Да бли-ин** K = 'негодование, раздражение' / можно другую цифру / **пожалуйста** K = 'просьба'

<Pг2 возражает, не хочет, чтобы меняли цифру>:

Pг2. **Ты чо-о?** K = 'недопонимание' **Не-ет!** K = 'несогласие'

<...>

<У2 и С играют, У2 спрашивает, кто объясняет, Pг2 говорит, что У2 объясняет слова>:

У2. Kes seletab?

Pг2. У2 / vot selle märgiga seletate sõna

У2. **Okei** K = 'понимание; согласие'

Pг2 спрашивает, готовы ли У2 и С начинать игру, У2 отвечает: «подожди, да»:

Pг2. Olete valmis?

У2. **Oota-oota** K = 'просьба подождать' <не начинайте игру> / **jah** K = 'согласие'

<...>

<Pг2 не понимает правил игры «Эмоции», У2 объясняет>:

Pг2. See ei ole see (...) Vaadake siin on kirjutatud need seitse ja siis näiteks kui Pг1 teeb nii grimasse kui ka laulu siis ma panen number seitse / sest ma arvan niimoodi / **jah** P = 'подтверждение сказанного ранее'

У2. **Нет** K = 'несогласие' / в первую очередь / когда она эти карты разложит / то у вас семь карт здесь / **да?** K = 'ожидание согласия'

<Pг2 перебивает У2>

Pг2. Ну значит *Н

У2. Ну и ты должна отгадать / ты отгадать должна // Если она сюда положила ту карточку / которую она загадала вам

<Pг2 перебивает У2>.

Pг2. Значит она эту карточку должна вот так что ли

У2. Значит ты отгадываешь // Например / ты отгадала / что она именно эту/ ты ставишь здесь тройку/ # Pг2. **Ну понятно** K = 'нетерпение, подтверждение, что информация понятна'

// # У2. **Ну вот** K = 'подведение итога, продолжение начатой темы' / это только тупо для этого нужно

Рг2. А карточка лежит тут / значит она должна по этому делать

У2. Да! К = 'подтверждение'

Комментарий к записи 4

Коммуникативы (рус.):

- да / да-а* — 'согласие; подтверждение';
- да?* — 'сомнение; переспрос; ожидание согласия';
- нет / не / неа* — 'несогласие';
- ты чо-о?* — 'недопонимание; несогласие';
- да бли-ин* — 'негодование; раздражение';
- пожалуйста* — 'просьба';
- ну, бывает* — 'утешение; понимание собеседника';
- ладно* — 'согласие';
- пофиг* — 'равнодушие';
- обалдеть* — 'восхищение';
- красота!* — 'восхищение';
- короче* — 'подведение итога';
- госпади* — 'негодование, волнение';
- щас* — 'просьба подождать';
- давайте* — 'побуждение к действию' <хочет быстрее начать играть>;
- давай* — 'побуждение к действию' <говори уже какие-нибудь слова>;
- всё* — 'завершение действия' <пора перейти к игре>;
- алё-ё-ё* — 'привлечение внимания';
- ну понятно* — 'нетерпение, согласие, что информация понятна';
- ну вот* — 'подведение итога, продолжение начатой темы'.

Коммуникативы (эст.):

- oota-oota* — 'просьба подождать';
- jah* — 'согласие';
- jah* — 'подтверждение сказанного ранее';
- okei* — 'понимание; согласие';
- või* — 'запрос на получение информации';
- vä* — 'запрос на получение информации; переспрос';
- onju?* — 'ожидание подтверждения'.

Хезитативы:

- э-э* — невербальный (X), ‘поиск слова’;
- как это* — вербальный (X), ‘поиск слова’;
- короче* — вербальный (X), ‘поиск слова’.

Рефлексивы:

- да?* — ‘ожидание согласия, что информация понятна собеседнику’;
- да* — ‘обращение внимания’ <У2. хочет убедиться, что ее слушают и понимают>.
- ты чо-о?* — ‘недопонимание; несогласие’;
- да бли-ин* — ‘негодование; раздражение’;

Мы считаем, что (К) *короче* нужно рассматривать в РКИ, так как его значение проявляется в контексте: он может выполнять функцию ‘подведение итога’ и ‘поиск слова’. Нужно знать (К) *давай / давайте*, чтобы учащийся мог сообщить о желании начать какое-либо действие. Следует объяснить иностранцу и употребление следующих (К): *пофиг, алё-ё-ё*. Данные единицы несут оттенок пренебрежительности, поэтому, если иностранец хочет, чтобы его поняли, нужно знать, в каких ситуациях можно так выражаться, а тем более нужно знать эти единицы для понимания РР (как содержания, так и стиля).

ЗАПИСЬ 5. «Фильмы»

Данная запись была сделана в ситуации, когда ученики должны были выполнить задание по фильму «Nukitsamees»: нарисовать плакат. Данная запись была сделана в марте 2018 года, длительность записи 17 минут. Участники записи: три ученицы из русской школы (Рг1, Рг2, Р4) и ученик (Рг3), две ученицы из эстонской (Эг1 и Эг2), учитель (У).

<Рг1 спрашивает, у кого красивый почерк, кто будет писать. Эг1 отвечает, что не у нее. Рг1 говорит, что будет писать печатными буквами>:

Рг1. Vormistage poster selle filmi (...) Kirjutage (...) kellel on hea ilus (...)?

Эг1. Minul pole käekiri

Рг1. Mina saan nendega / need tähed / **vot need** ^{X = ‘поиск слова’} / **no et** ^{X = ‘поиск слова’}

<вспоминает как переводится слово строчные буквы> (...) trükitähed

Эг2. Trükitähed / **jah** ^{K = 'подтверждение'} <подтверждает, что Pг1 правильно сказала слово> // Ei sa võid (...)/ **jah** ^{K = 'согласие'} <можешь написать печатными буквами> /

Pг1. Kas ma kirjutan tsitaate või filmi Nukitsamees?

Эг2. Э-э ^{X = 'попытка понять, что было сказано'} (...) pealkiri Nukitsamees / **jah** ^{K = 'подтверждение'} <...>

<Pг2 находит в задании, что еще нужно выписать цитаты из фильма, Эг2 начинает говорить, что в фильме много песен, запинается, тогда Pг1 не дожидаясь Эг2, говорит, что сначала напишет заголовок и спрашивает карандаш у Эг2>:

Pг2. **A-a-a** ^{K = 'обнаружение новой информации'} (...) / kirjutage tsitaadid filmist / siis me peame veel leidma neid

Эг2. Tsitaadid (...) siin on hästi palju laule (...) see on mingi **e-e-e** ^{X = 'поиск слова'}

Pг1. Enne ma kirjutan *H // Sul on pliiats?

Эг2. Millist?

Pг1. Tavaline harilik pliiats

Эг2. **Ei ole** ^{K = 'отрицание'} / mul on harilikud ja pinal *H

Эг1. **Ota** ^{K = 'просьба подождать'} / seal on ju pliiatsid

Pг1. **A** ^{K = 'подтверждение'}

<Эг1 ищет маркеры и не находит их, Эг2 реагирует — ничего страшного>:

Эг1. Ei ole võimalik // Ma nii kindel olin / et mul oli (...) **Äh-h** ^{K = 'недовольство'} <расстроена, что не нашла маркер>

Эг2. **Pole hullu** ^{K = 'утешение'}

Эг1. **Okei** ^{K = 'согласие'} / äkki saame // Kus me *H / **A-a-a** ^{K = 'завершение поиска'} / Õpetajatel on

<...>

<Pг1 спрашивает у С, есть ли фломастеры, С отвечает, что есть только маркеры, Pг1 берет их>:

Pг1. Есть фломастеры?

С. **Hea** ^{K = 'отрицание'} / только такие <показывает на маркеры>

Pг1. А / **ну пойдет** ^{K = 'согласие'} <да, эти маркеры подходят>

<...>

<Ученики думают, как оформить плакат>:

Pг1. Äkki postri peale peame ka midagi printima?

Эг1. **Ei** ^{K = 'отрицание'} / **ma ei usu** / **ma ei usu** ^{K = 'отрицание'} <нет, я не думаю, что это нужно делать>

Pг1. Oksana (...) et ilus näeks

Эг2. **Ah-h-a-a** ^{K = 'согласие; информация понятна'} / aga mida nagu Nukitsamehest sis prindima?

Эг1. Must taust näiteks

<...>

<Рг1 спрашивает, сделан ли фильм по книге>:

Рг1. Kas on tehtud raamatu põhjal?

Эг1. **Jah** ^{K = 'согласие'}

Рг1. Sis äkki vaatame lihtsalt // selle teksti

<...>

<Заходит Рг3, говорит>:

Рг3. Мне Мартин написал

Рг2. **O gos-спадн** ^{K = 'удивление' <что это он такое говорит>}

Рг1. **Э-э** ^{X = 'информация непонятна' / чего?}

Рг2. Ему какой-то Мартин написал

<...>

<Эг1 спрашивает, можно ли цитаты из песни написать>:

Эг1. Laulutsitaate võib ka panna ikka / **onju** ^{K = 'ожидание подтверждения'?}

<...>

<Эг1 хочет найти цитату из фильма Nukitsamees в Интернете, находит сайт с цитатами>:

Эг1. **Nii** ^{K = 'готовность приступить к действиям' / ma vaatan äkki kui ma panen Nukitsamehe tsitaadi <набирает в поиске Nukitsamees tsitaadid>}

Эг1. **Ongi** ^{K = 'поиск информации успешен' <Есть, нашла!>!} Reaalselt lehekülge kus on tsitaadid

<...>

<Эг1 спрашивает, как будет по-эстонски «стирашка», Эг1 переспрашивает, уточняет>:

Рг2. Vene keeles on стирашка

Эг1. Стирашки

Рг2. Стирашка

Эг1. Стирашка

Рг2. Так говорят / **да?** ^{K = 'уточнение' / стирашка?}

Рг1. Стёрка

Рг2. Стёрка?

Рг4. **Нет?** ^{K = 'уточнение' / так не говорят?}

Рг1. **Не знаю** ^{K = 'сомнение; незнание'}

Pr2. Я не слышала

<...>

<Pr1 сомневается, нужно ли начертить линию на плакате, Pr2 отвечает, что не нужно>:

Pr1. **Я не знаю** ^{K = 'сомнение'} / подвести линию / нет?

Pr2. **Не-не** ^{K = 'отрицание'} / не надо

<...>

<Эг2 хочет уточнить перевод слова, Pr2 отвечает, что это *стирашка*>:

Эг2. **Oot** ^{K = 'привлечение внимания; просьба подождать'} / mis sa ütsid? mis oli?

Pr2. Стирашка

Pr1. Стирательная резинка

Эг2. Это слишком официально

Эг1. Kas see on släng **või** ^{K = 'уточнение информации'}?

Pr2. **Jah** ^{K = 'согласие'}

Эг1. Mis see õige sõna on?

Pr1. Стирательная резинка

Эг1. **Okei** ^{K = 'согласие с ситуацией'} <стирательная резинка — сложное выражение для Эг1, поэтому говорит «okei» с интонацией принятия бесперспективности ситуации>

<...>

<Обсуждают оформление плаката>:

Pr1. **No** ^{K = 'привлечение внимания'} / mida me kirjutame tsitaadi? // Äkki niimoodi / et *hashtag* tsitaat

Эг1. **Ototot** ^{K = 'просьба подождать' <не торопись>} / kõigepealt peaks panema ikka selle olulise info / **ota** ^{K = 'просьба подождать' <смотрит задание>} / huvitav info valitud filmi kohta

Эг2. Et film on / o-on / et film / et see on Lutsu raamatul põhineb

Эг1. **Jah** ^{K = 'согласие'} / pane

<...>

<Pr1 спрашивает, какую информацию о фильме написать>:

Pr1. Mida kirjutatan?

Эг2. Oskar Lutsu teosel põhinev film

Эг1. **Okei** ^{K = 'согласие'} / ma võin kirjutada

Pr1. Oskar Luts kirjutatan ja sis

Эг1. **Okei** ^{K = 'подтверждение'} ja sis räägime pikemalt

<Pr1 читает задание: нужно сделать постер на двух языках>:

Pr1. Tehke poster kahes keeles

Эг1. **A-a** ^{K = 'удивление'}

Pr1. **Ax-xa** ^{K = 'согласие' <Да-да>}

Pr1. Mida?

Эг2. Kahes keeles

Эг1. **No** ^{K = 'побуждение'} jätame siis ruumi siia

<...>

<Обсуждение оформления плаката>:

Pr1. Kas see peab tähed olema suured / et kõik näe (...)

У. **No-o** ^{K = 'поиск ответа' <думает>}

Pr1. Või ei pea?

У. Natukene suuremad võib olla / aga ei / ma arvan et se on **okei** ^{K = 'согласие'} // selles mõttes see nii kui nii *H

<...>

<Эг1 находит еще один факт о фильме, читает вслух>:

Эг1. **Issand** ^{K = 'удивление'} / mingi inimene nimega Egert / tal kulus mitu päeva enne / kui ta harjus selle meigiga või selle grimmiga ilma et oleks nutma hakanud

<Эг1 говорит, кем был Эгерт в фильме>:

Эг1. Egert oli see laps

Эг2. Mida?

Эг1. See nukitsalaps

Эг2. *H

Эг1. **Ei** ^{K = 'несогласие'} / see oligi see Egert

Эг2. **A-a** ^{K = 'информация понятна'} / oli **vä?** ^{K = 'переспрос'} **A-a-a-a** ^{K = 'информация понятна'} / **okei** ^{K = 'согласие'}

<Эг1 говорит, что Эг2 может писать простым карандашом>:

Эг1. Sa võid ka harilikuga vata kirjutada / see ongi harilik **vä?** ^{K = 'уточнение'}

Эг2. **Ja** ^{K = 'подтверждение'}

Комментарий к записи 5

Коммуникативы (рус.):

ax-xa — 'согласие';

я не знаю — 'сомнение';

не знаю — 'незнание';

не-не / неа — ‘отрицание’;
да? / нет? — ‘уточнение’;
о гос-спади — ‘удивление’;
ну пойдет — ‘согласие’;
а-а-а — ‘обнаружение новой информации’.

Коммуникативы (эст.):

vä? — ‘уточнение’;
ja / jah — ‘подтверждение’;
а-а / а — ‘информация понятна’;
ei — ‘отрицание’
issand — ‘удивление’;
okei — ‘согласие с ситуацией’;
no-o — ‘поиск ответа’;
no — ‘побуждение’;
ototot / ota — ‘просьба подождать’;
oot — ‘привлечение внимания; просьба подождать’;
või? — ‘уточнение’;
nii — ‘готовность приступить к действиям’;
ongi — ‘поиск информации успешен’;
onju? — ‘ожидание подтверждения’;
ta ei usu — ‘отрицание’ <нет, я не думаю, что это нужно делать>;
ah-h-a-a — ‘согласие; информация понятна’;
pole hullu — ‘утешение’;
äh-h — ‘недовольство’;
ei ole — ‘отрицание’.

Хезитативы:

э-э — невербальный (Х), ‘попытка понять, что было сказано’;
vot need — вербальный (Х), ‘поиск слова’;
no et — вербальный (Х), ‘поиск слова’.

Исходя из расшифровок, отметим, что у коммуникативов множество вариантов произношения, но это не влияет на их значение. Эту особенность следует учитывать в преподавании РКИ, чтобы иностранец знал и понимал, что у одной единицы

могут быть разные варианты произношения, но функция одна. Это показывает коммуникатив *o gos-спади / госпади / боже*, в эстонском языке это коммуникативы: *ototot / oot / ota*.

Из полученных примеров видно, что эстонские коммуникативы также нужно включать в обучение языку. Так, распространенный коммуникатив *vä* — т. н. *vä*-партикль — в эстонской разговорной речи является частотным и функционально значимым. Его типы были рассмотрены в [Hennoste 2001].

Самостоятельный *või / vä* вопрос (эст. *iseseisev või / vä küsimus*) — самая распространенная грамматическая форма *või / vä* вопроса. Самостоятельным вопросом коммуниканты начинают новую тему, один спрашивает, второй отвечает [там же: 103], то есть здесь очевидно выполняется функция коммуникатива. Приведем пример из наших расшифровок:

<Эг спрашивает перевод словосочетания>:

Эг. Проще всего on kõige lihtsam vä?

Второй тип использования *vä* — тематические связки (эст. *teema-sidujad*), которые в бытовом разговоре самые распространенные. В этом случае *vä* помогает продолжить тему разговора и поддержать ее [там же]:

– Klaasikunst on ikka äge küll. Nii palju õpib juurde

– Sa oled midagi ise ka meisterdanud juba vä?

Третий тип — маркер запроса информации (эст. *parandusliigendid*) — в этом случае *vä* помогает слушающему лучше понять собеседника, здесь *vä* выполняет функцию запроса информации [там же]. Приведем пример из наших расшифровок, в котором Эг1 задает вопрос, чтобы понять, что происходит:

<Хотят поставить свечку в тыкву, спрашивают у У, можно ли это сделать>:

Рг1. **Так** К = ‘обращение внимания, подготовка к следующему действию’ / и теперь свечку туда?

Рг2. **А я не знаю** К = ‘неуверенность’

Рг1. Paneme sisse **vä** К = ‘уточнение’?

Рг2. А мы можем ставить свечку внутрь?

У. **Можно / можно** К = ‘разрешение’ <ставьте>

4. О необходимости включения КХР в курс иностранного языка

Всего в ходе работы над аудиозаписями было собрано 116 КХР. Собранные КХР перечислены в приложениях на стр. 64-69.

Исходя из проделанного анализа можно сделать следующие выводы.

1. РР свойственна эллиптичность, инверсия, самоперебивы (которые проявляются при использовании КХР), а КХР участвуют в реализации данных признаков РР. КХР являются очень краткими единицами РР, они могут концентрироваться в небольшом фрагменте и функционально важны для понимания. Это причина, по которой КХР надо учитывать в преподавании иностранного языка. Например, в фрагменте, который состоит из 10 слов (см. ЗАПИСЬ 4. «Игры», на стр. 45), на КХР приходится 4 словоупотребления, то есть почти половина сказанного:

РГ2: **Да-а** ^{К = 'подтверждение'} / мы по парам / **всё** ^{К = 'завершение' <пора приступить к игре>} // **Давай** ^{К = 'побуждение к действию' <говори уже какие-нибудь слова>} / **рандомное слово** // **Нет** ^{К = 'отрицание' <резко передумывает, говори первое слово>} / **первое**

2. Коммуникативы распространены в речи как учащихся, так и студентов, преподавателей. Самыми часто употребляемыми являются коммуникативы, выражающие согласие / несогласие (например: *хорошо, да, jah, jupp*). Самыми редко употребляемыми являются коммуникативы, выражающие этикетную функцию (например: *пока, aitäh*).

3. Один коммуникатив может иметь несколько значений в зависимости от контекста, речевой ситуации, интонации. Предложенные в нашем анализе формулировки значений могут быть не совсем точными, так как коммуникативы не имеют собственного лексического значения, а зависят от ситуации. Например:

no — 'побуждение'
no-o — 'поиск ответа'

4. В речи участников аудиозаписей присутствуют заимствования. В основном это англицизмы, совпадающие в обоих языках, например такие как *окей, е-е-е*. Заимствования облегчают коммуникацию, так как понятны обоим говорящим.

5. Были обнаружены функционально-идентичные коммуникативы в обоих языках. Например:

Функция удивления: *issand / jesus = o gosnadi / gosnadi / боже*

Функция просьбы подождать: *ototot / ota / o-ot = подожди / щас*

На основании этого представляется возможным в дальнейшем составить русско-эстонский словарь функционально-идентичных КХР.

6. Хезитативы стоит учитывать в преподавании РКИ, так как они являются неинформативной частью предложения, а иностранец должен отличать информативную часть сообщения от неинформативной (например: *там, тина, vot need, no et*).

7. Как показал анализ, рефлексивы — самые редко употребляемые единицы РР. Однако они важны в курсе РКИ, потому что используются для установления контакта между собеседниками, и иностранец должен понимать / воспринимать на слух моменты, когда говорящий ждет от него реакции (например: *да?, я не знаю, onju*).

8. КХР нужно использовать в преподавании иностранного языка. Если включать КХР в говорение и аудирование, то нужно описывать стилевую принадлежность, уместность КХР в разных речевых ситуациях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преподавание иностранного языка должно иметь своей конечной целью обучение реальному живому общению. Для того чтобы оценить необходимость включения тех или иных явлений РР в курс иностранного языка, надо хорошо представлять себе особенности спонтанной и свободной речевой деятельности. Цель данной работы заключалась в том, чтобы показать, что в обучение РКИ нужно включать такие элементы речи как коммуникативы, хезитативы и рефлексивы, и тем самым обозначить способы устранения оторванности преподавания от реального языкового существования. Для достижения цели на данном этапе были поставлены следующие задачи: изучение теоретического материала по разговорной речи, РКИ, КХР; выявление КХР по сделанным аудиозаписям; анализ КХР; рассмотрение КХР в аспекте РКИ. Для решения поставленных задач была изучена специальная литература.

Мы начали своё исследование с представления теоретических подходов по разграничению устной и письменной речи, обратились к понятию разговорной речи, как неотъемлемой части устной формы общения между людьми.

Проанализировав особенности разговорной речи, мы пришли к выводу, что для преподавания РКИ наиболее важны следующие критерии: число говорящих и условия осуществления речевого акта, так как от этих признаков зависит, каким будет материал по РКИ: аутентичным или искусственным. Если составлять материал, опираясь по большей части на монологи, то это не даст такого эффекта, как изучение языка через диалоги.

Чтобы сформировать представление о границах коммуникативов, мы рассмотрели разные точки зрения исследователей. Коммуникативы — неоднозначные единицы, и это связано с их многообразием. Формально близки к коммуникативам хезитативы и рефлексивы, но функционально они различны. КХР — коротки, абстрактны, закреплены интонационно, их смысл зависит от контекста и речевой ситуации.

Материал для нашего исследования был собран в рамках проекта «Поговори со мной / Räägi minuga» (2017/2018 уч.г.), в котором принимали участие гимназисты из русской и эстонской школ. Всего было сделано пять аудиозаписей, длительность которых в сумме составляет около двух с половиной часов. На материале этих записей было выявлено 116 КХР.

В собранных текстах мы выявили КХР и провели их анализ — дали описание функций и значений КХР в обоих языках: русском и эстонском. В каждой расшифровке отмечены все КХР, а затем приводится комментарий использования каждой единицы. На основании этого был составлен список встретившихся в текстах КХР, которые затем были распределены по соответствующим приложениям: Приложение 1. Алфавитный перечень коммуникативов; Приложение 2. Алфавитный перечень хезитативов; Приложение 3. Алфавитный перечень рефлексивов (стр. 64–69).

Анализ КХР показал, что данные единицы коротки, могут концентрироваться в небольшом фрагменте и функционально важны для понимания. Толкование КХР не всегда однозначно, а зависит от контекста, речевой ситуации, интонации. Например:

эст. *no* — ‘побуждение’

эст. *no-o* — ‘поиск ответа’

Мы считаем, что следует объяснять учащемуся употребление полнозначных коммуникативов, таких как *всё равно*, *пофиг*, *алё-ё-ё*. Данные коммуникативы могут иметь разную стилистическую и эмоциональную окраску, поэтому нужно объяснять их употребление, чтобы учащийся мог участвовать в адекватной коммуникации.

Были обнаружены функционально-идентичные КХР в русском и эстонском языках. Например:

Функция удивления: *issand* / *jeesus* = *o госпади* / *госпади* / *боже*

Функция просьбы подождать: *ototot* / *ota* / *o-ot* = *подожди* / *щас*

На основании этого можно в дальнейшем попытаться составить русско-эстонский словарь функционально-идентичных КХР. Первым шагом к этому могут послужить приложения, в которых мы собрали КХР с описанием их функций и значений.

Мы выяснили, что если иностранец хочет понимать и активно использовать живую РР, чтобы и его речь понимали, то следует объяснять употребление КХР в курсе РКИ. Если включать данные единицы в говорение и аудирование, то нужно описывать стилевую принадлежность и уместность КХР в разных речевых ситуациях.

Дальнейшая перспектива работы заключается в составлении словаря функционально-идентичных КХР и / или в разработке учебных материалов по РКИ, включающих КХР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишина А. А. и др. 1991 — *Жесты и мимика в русской речи*. Москва.
2. Богданова-Бегларян Н. В. 2015 — Вербальные хезитативы русской устной речи: реализация поисковой функции и «рефлекс поиска». Веб-ресурс: www.ejournals.eu/pliki/art/6693/ (Дата последнего просмотра: 16.05.2018)
3. Брызгунова А. Б. 1969 — *Звуки и интонация русской речи*. Москва.
4. Земская Е. А. 1973 — *Русская разговорная речь*. Москва.
5. Земская Е. А. 2011 — *Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: Учебное пособие*. Москва.
6. Казачихина И. А. 2008 — Коммуникативы как объект описания в учебном пособии словарного типа. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради: Научный журнал*. № 26. СПб. С. 115–119.
7. Капанадзе Л. А. 2005 — *Избранные работы по русскому языку. Голоса и смыслы*. Москва.
8. Касаткин Л. Л. 2006 — *Фонетика. Современный русский язык*. Москва.
9. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. 2010 — *Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы*. Москва.
10. Колокольцева Т. Н. 2001 — *Специфические коммуникативные единицы диалогической речи*. Волгоград.
11. Ладыженская Т. А. 1975 — *Система работы по развитию связной устной речи учащихся*. Москва.
12. Одинцова И. В. 2006 — *Звуки. Ритмика. Интонация: учеб. пособие*. Москва.
13. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. 1976 — *Словарь-справочник лингвистических терминов*. Москва.
14. Сиротинина О. Б. 1974 — *Современная разговорная речь и ее особенности: учебное пособие для педагогических институтов*. Москва.
15. Сиротинина О. Б. 1996 — *Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи: Пособие для учителя*. Москва.
16. Фатхутдинова В. Г. 2016 — *Морфология русского языка: за пределами знаменательных частей речи. Учебно-методическое пособие для студентов-филологов*. Казань.

17. Формановская Н. И. 2008 — *Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты*. Москва.
18. Формановская Н. И. и др. 1989 — *Спросите, попросите... Учебное пособие*. Москва.
19. Шаронов И. А. 2009 — Коммуникативы и методы их описания. Веб-ресурс: <http://www.dialog-21.ru/media/3423/sharonovia.pdf> (Дата последнего просмотра: 16.05.2018)
20. Шаронов И. А. 2016 — Дискурсивные слова и коммуникативы. Веб-ресурс: <http://www.dialog-21.ru/media/3423/sharonovia.pdf> (Дата последнего просмотра: 16.05.2018)
21. Шведова Н. Ю., Арутюнова Н. Д. и др. 1980 — *Русская грамматика*. Т. II. Москва.
22. Шмелев Д. Н. 2002 — *Избранные труды по русскому языку*. Москва.
23. Hennoste T., Lindström L. ja teised 2001 — Vä ja teised. Ühe vestluse pisianalüüs. *Keele kannul: pühendusteos Mati Ereli 60. sünnipäevaks*. Tartu. Lk. 90–112.

Приложение 1.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КОММУНИКАТИВОВ

В приложении 1 представлен алфавитный перечень коммуникативов, встретившихся в текстах расшифровок. В приложении используются следующие условные обозначения, отсылающие к записям в тексте работы:

- 31 — Запись 1. «Игры»
- 32 — Запись 2. «Ярмарка»
- 33 — Запись 3. «Хэллоуин»
- 34 — Запись 4. «Музыка»
- 35 — Запись 5. «Фильмы»

1.1. Эстонские коммуникативы

- ah-h-a-a* — ‘согласие; информация понятна’ 35
- aitäh* — ‘благодарность’ 32
- ei* — ‘отрицание’ 35
- ei ole* — ‘отрицание’ 35
- hea küll* — ‘подведение итога, согласие’ 31
- issand* — ‘удивление’ 35
- ja / jah* — ‘подтверждение’ 35
- ja-a* — ‘подтверждение’ 31
- jah* — ‘подтверждение сказанного ранее’ 34
- jah* — ‘согласие’ 34
- jah / ja-a / ja* — ‘согласие’ 32
- jeesus* — ‘удивление’ 33
- jupp* — ‘согласие’ 33
- just-just* — ‘согласие’ <точно, именно так> 32
- ma ei usu* — ‘отрицание’ <нет, я не думаю, что это нужно делать> 35
- mhm* — ‘согласие’ 31
- nii* — ‘готовность приступить к действиям’ 35
- no* — ‘побуждение’ 35
- no-o* — ‘поиск ответа’ 35
- okei* — ‘понимание; согласие’ 34

okei — ‘согласие с ситуацией’ 35
okei — ‘согласие’ 31
ongi — ‘поиск информации успешен’ 35
onju — ‘подтверждение’ 32
onju — ‘уточнение, ожидание согласия’ 31
onju? — ‘ожидание подтверждения’ 34
onju? — ‘ожидание подтверждения’ 35
onju? — ‘ожидание согласия, уточнение’ 32
oot — ‘привлечение внимания; просьба подождать’ 35
oota-oota — ‘просьба подождать’ 34
ototot / ota — ‘просьба подождать’ 35
pole hullu — ‘утешение’ 35
või — ‘запрос на получение информации’ 34
või? — ‘уточнение’ 35
vä — ‘запрос на получение или уточнение информации’ 32
vä — ‘запрос на получение информации; переспрос’ 34
vä? — ‘желание получить информацию о происходящем’ 33
vä? — ‘уточнение’ 35
äh-h — ‘недовольство’ 35

1.2. Русские коммуникативы

а я не знаю — ‘неуверенность’ 32
а-а-а — ‘обнаружение новой информации’ 35
а-а / а — ‘информация понятна’ 35
а-а-а / а — ‘подтверждение, что ситуация понятна’ 32
алё-ё-ё — ‘привлечение внимания’ 34
ах-ха — ‘согласие’ 35
блин — ‘негодование’ 31
отлично — интонационно¹ выражает недоумение, подразумевается ‘ладно, так уж и быть’ 31

¹ Коммуникатив *отлично* был произнесен с понижением интонации, что выражает, в частности, недовольство — по классификации интонационных конструкций ИК-4 [Одинцова 2006: 218].

блин — ‘недоумение, негативная реакция’ 32
 боже — ‘удивление’ 32
 во — ‘завершение действия, усиление, удовлетворение’ 32
 вот *щас* — ‘указание на подходящий момент’ 32
 всё — ‘завершение действия’ 34
 госпади — ‘негодование, волнение’ 34
 да — ‘согласие’ 32
 да / да-а — ‘согласие; подтверждение’ 34
 да бли-ин — ‘негодование; раздражение’ 34
 да? — ‘сомнение; переспрос; ожидание согласия’ 34
 да? / нет? — ‘уточнение’ 35
 давай — ‘побуждение к действию’ 34
 давай — ‘прощание’ 32
 давайте — ‘побуждение к действию’ 34
 е-е-е-е — ‘положительная реакция’ <получилось что-то сделать> 32
 какая *разница* — ‘безразличие’ 31
говорите — ‘уточнение, привлечение внимания собеседников’ 31
канеш — ‘разрешение’, (К) произносится с понижением интонации 32
короче — ‘подведение итога’ 34
красота! — ‘восхищение’ 34
 ладно — ‘согласие’ 34
 мне *кажется* — ‘быть готовым передать информацию’ 32
можно-можно — ‘разрешение’ 32
 не *знаю* — ‘незнание’ 35
 не *хочу* — ‘нежелание’ 32
 не-не / неа — ‘отрицание’ 35
 не-не-не-не — ‘прекращение действия’ 32
 нет — ‘несогласие’ 32
 нет / не / неа — ‘несогласие’ 34
нифига — ‘удивление’ 32
нормально — ‘соответствие норме; согласие; уверенность’ 32
 ну *вот* — ‘подведение итога, продолжение начатой темы’ 34
 ну *всё равно* — ‘недовольство’ 32
 ну *пойдет* — ‘согласие’ 35

ну понятно — ‘нетерпение, согласие, что информация понятна’ 34
ну, бывает — ‘утешение; понимание собеседника’ 34
о гос-спади — ‘удивление’ 35
обалдеть — ‘восхищение’ 34
окей — ‘согласие’ 32
она — ‘завершение действия, удовлетворение’ 32
подожди — ‘ожидание’ <не торопись делать что-либо> 32
пожалуйста — ‘просьба’ 34
пока — ‘прощание’ 32
пофиг — ‘равнодушие’ 34
просто — ‘привлечение внимания, усиление’ 32
стой — ‘прекращение действия’ 32
так — ‘обращение внимания, готовность приступить к следующим действиям’ 32
так не нравится — ‘недовольство’ 32
ты чо-о? — ‘недопонимание; несогласие’ 34
угу — ‘согласие’ 32
хорошо — ‘согласие’ 32
щас — ‘просьба подождать’ 34
это кайф / это кайф — ‘положительная реакция, удовлетворение’ <совершать действие, доставляющее удовольствие> 32
я не знаю — ‘сомнение’ 35

Приложение 2.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ХЕЗИТАТИВОВ

В приложении 2 представлен алфавитный перечень хезитативов, встретившихся в текстах расшифровок. В приложении используются следующие условные обозначения, отсылающие к записям в тексте работы:

- 31 — Запись 1. «Игры»
- 32 — Запись 2. «Ярмарка»
- 33 — Запись 3. «Хэллоуин»
- 34 — Запись 4. «Музыка»
- 35 — Запись 5. «Фильмы»

2.1. Эстонские хезитативы

- э-э* — невербальный (X), ‘попытка понять, что было сказано’ 35
- vot need* — вербальный (X), ‘поиск слова’ 35
- no et* — вербальный (X), ‘поиск слова’ 35
- a-a* — невербальный (X), ‘обдумывание предыдущей информации’ 31
- a-a* — невербальный (X), ‘поиск подходящего слова’ 32

2.2. Русские хезитативы

- как это* — вербальных (X), ‘поиск подходящего слова’ 32
- типа* — вербальный (X), ‘поиск подходящего слова’ 32
- там* — вербальный (X), ‘поиск подходящего слова’ 32
- a-a-a* — невербальный X, ‘оценка происходящей ситуации’ 33
- э-э* — невербальный (X), ‘поиск слова’ 34
- как это* — вербальный (X), ‘поиск слова’ 34
- короче* — вербальный (X), ‘поиск слова’ 34

Приложение 3.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ РЕФЛЕКСИВОВ

В приложении 3 представлен алфавитный перечень рефлексивов, встретившихся в текстах расшифровок. В приложении используются следующие условные обозначения, отсылающие к записям в тексте работы:

- 31 — Запись 1. «Игры»
- 32 — Запись 2. «Ярмарка»
- 33 — Запись 3. «Хэллоуин»
- 34 — Запись 4. «Музыка»
- 35 — Запись 5. «Фильмы»

3.1. Эстонский рефлексив

onji — ‘уточнение информации’ 31

3.2. Русские рефлексивы

я не знаю — ‘сомнение, перекладывание ответственности на других’ 32

да? — ‘ожидание согласия, что информация понятна собеседнику’ 34

да — ‘обращение внимания’ 34

ты чо-о? — ‘недопонимание; несогласие’ 34

да бли-ин — ‘негодование; раздражение’ 34

AUTENTSE SUULISE KÕNE KEELENDID
VENE KEELE VÕÕRKEELENA ÕPETAMISE ASPEKTIS
(KOMMUNIKATIIVIDE, HESITATIIVIDE, REFLEKSIIVIDE NÄITEL)

Kokkuvõte

Uuringu peaesmärgiks on demonstreerida, et (vene keele võõrkeelena) keeleõppesse tuleb kaasata järgmised diskursiivsed keelendid — kommunikatiivid, hesitatiivid ning refleksiivid (edaspidi KHR):

- kommunikatiivid, nt: vene *ладно*, eesti *hea küll*;
- hesitatiivid, nt: vene *мuna*, eesti *no et*;
- refleksiivid, nt: vene *Я не знаю*, eesti *onju*.

Nende diskursiivsete keelendite kasutamine aitab lähendada keeleõpet reaalsele keele eksistentsile.

Töö koosneb kahest peatükist: teoreetilisest ja praktilisest. Esimene peatükk «Suulise kõne eripära. Kommunikatiivide, hesitatiivide, refleksiivide kasutamine suulises kõnes» tutvustab järgmiseid teemasid: suuline ja kirjalik kõne; argikõne suulise vormi variandina; suulise kõne eripära: põhijooned ja kõnesituatsiooni komponendid; kommunikatiivid, hesitatiivid, refleksiivid spetsiifiliste keelenditena suulises kõnes; kommunikatiivid, hesitatiivid, refleksiivid vene keele võõrkeelena õpetamise aspektis.

Teises peatükis «Kommunikatiivide, hesitatiivide, refleksiivide kasutamine vene ja eesti kõnekeeles (suhtlusklubis tehtud reaalsete audiosalvestuste näitel) ning nende võõrkeele õppesse lülitamise küsimus» kirjeldatakse reaalseid dialooge ning polülooge, mille audiosalvestused tehti projekti «Räägi minuga» raames 2017/2018 õppeaastal. Arutletakse KHR lülitamise vajalikkusest võõrkeele õppesse.

Kokku oli tehtud viis audiosalvestust. Audiosalvestuste summaarne pikkus on kaks ja pooltundi. Kokku oli kogutud ja uuritud 116 kommunikatiivi, hesitatiivi ja refleksiivi. Nende keelendite analüüsi käigus oli kirjeldatud KHR funktsioonid ja tähendused nii vene kui eesti keeles.

Iga litereeritud audiosalvestuses on märgitud kõik KHR, ning on lisatud kommentaar iga keelendi kasutamise kohta. Leitud KHR on koondatud ka vastavatesse töö lisa-desse: Lisa 1. “Kommunikatiivide tähestikuline loetelu”, Lisa 2. “Hesitatiivide tähestikuline loetelu”, Lisa 3. “Refleksiivide tähestikuline loetelu” (lk 64–69).

Diskursiivsete keelendite, ehk KHR analüüs näitas, et need on lühikesed, tihti kontsentreeruvad väikses kõnefragmendis ja leksikaalse tähenduse puudumise kõrval on väga tähtsad kõne funktsionaalseks arusaamiseks.

Oli leitud funktsionaalselt identsed vene ja eesti diskursiivsed keelendid, ehk KHR. Näiteks:

- imestuse väljendamise funktsioon, nt *issand* / *jeesus* = *o zocnadu* / *zocnadu* / *боже*;
- ootuspalve väljendamise funktsioon: *ototot* / *ota* / *o-ot* = *нодожду* / *уяц*

Selle alusel on edaspidi võimalik koostada funktsionaalselt identsete KHR vene-eesti sõnastiku.

Töö perspektiiv seisneb funktsionaalselt identsete eesti ja vene diskursiivsete keelendite, ehk KHR sõnastiku koostamises ja / või neid vene keele võõrkeelena õppematerjalidesse juurde lisamises.

Lõputöö autori kinnitus

Olen bakalaureusetöö kirjutanud iseseisvalt. Kõigile töös kasutatud teiste autorite töödele, põhimõtteliste seisukohtadele ning muudest allikaist pärinevatele andmetele on viidatud.

Autor: Anneli Maiste
(allkiri)

.....

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina,

Anneli Maiste,

(autori nimi)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose

„Элементы аутентичной разговорной речи в аспекте преподавания РКИ
(на примере коммуникативов, рефлексивов и хезитативов)“,

(lõputöö pealkiri)

mille juhendaja on

Oksana Palikova,

(juhendaja nimi)

- 1.1.reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni;
 - 1.2.üldsusele kättesaadavaks tegemiseks Tartu Ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'i kaudu kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.
2. olen teadlik, et punktis 1 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
 3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus, **24.05.2018**